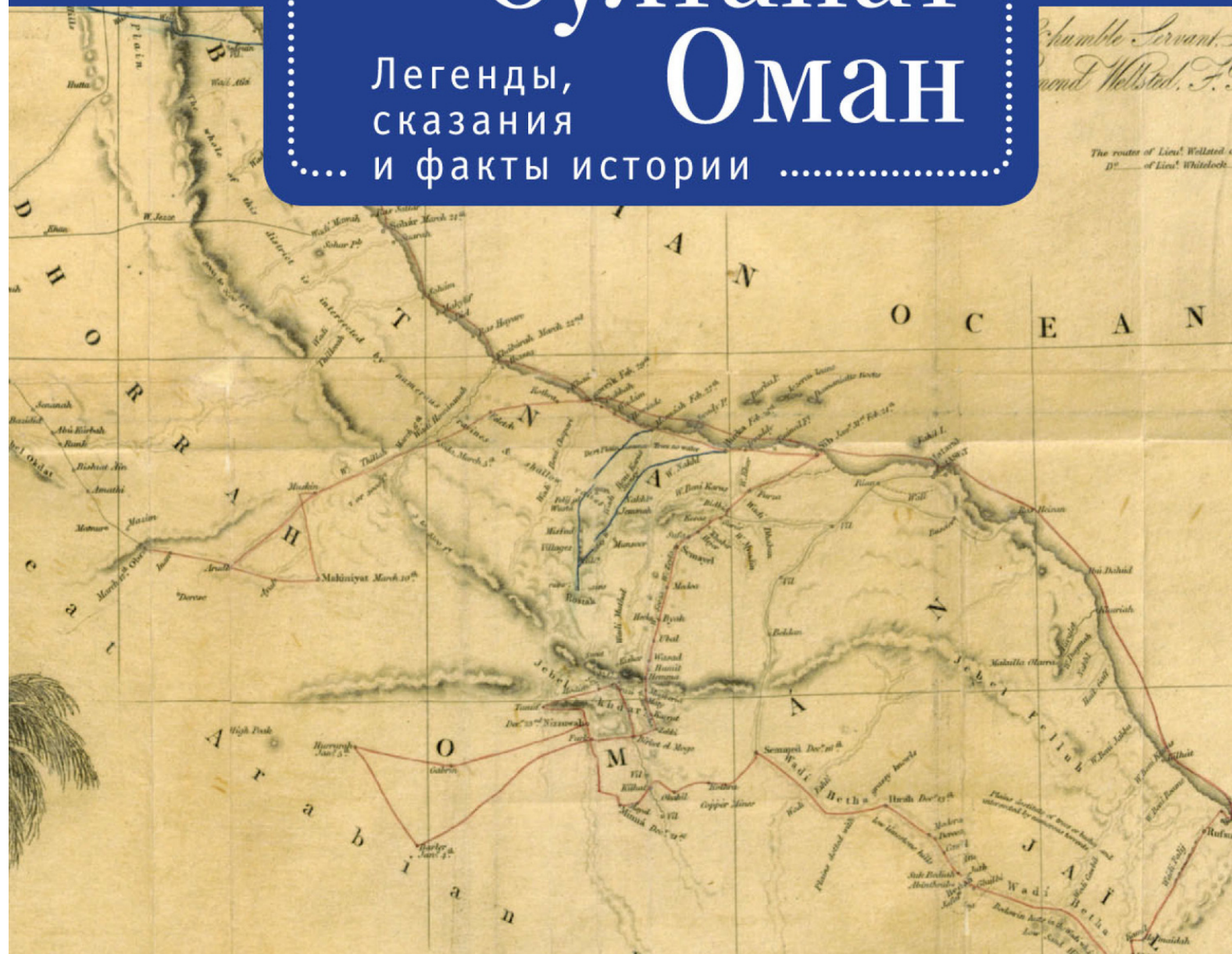

И. П. СЕНЧЕНКО

Султанат Оман

Легенды,
сказания

и факты истории

Игорь Сенченко

**Султанат Оман. Легенды,
сказания и факты истории**

«Алетейя»

УДК 94(535)
ББК 63.3(5Ома)

Сенченко И. П.

Султанат Оман. Легенды, сказания и факты истории /
И. П. Сенченко — «Алетейя»,

ISBN 978-5-00165-081-2

Книга, предлагаемая вниманию читателя, — это первая изданная в России полная история Омана с древнейших времен и до наших дней. Книга обращает на себя внимание представленным в ней солидным массивом архивных документов, рассказывающих об отношениях Омана с Россией, Францией, Англией и США, Турцией и Персией. Немалый интерес представляют собранный в книге свод легенд, преданий и сказаний племен Омана, а также содержащийся в ней увлекательный рассказ о достопримечательностях Омана, об обычаях, традициях и нравах оманцев.

УДК 94(535)
ББК 63.3(5Ома)

ISBN 978-5-00165-081-2

© Сенченко И. П.
© Алетейя

Содержание

К читателю	6
Часть I	7
‘Уман (Оман) в работах именитых исследователей Аравии, известных историков, географов и собирателей аравийской старины, в воспоминаниях мореходов и путешественников, в донесениях, заметках и записках дипломатов	7
Конец ознакомительного фрагмента.	50

И. П. Сенченко
Султанат Оман. Легенды,
сказания и факты истории

Султанат Оман.

Стране, народу и правящей династии Аль Бу Са'ид —

ПОСВЯЩАЕТСЯ

К читателю

Снимая пласты песка и паутину времен с истории земель и племен Омана, мы приглашаем читателя в увлекательное путешествие в прошлое и настоящее по одному из интереснейших и красивейших уголков Аравии.

Ознакомившись с содержанием сохранившихся во времени «глиняных архивов» шумеров и ассирийцев, тесно общавшихся с арабами Омана, «лучшими морскими извозчиками», как они их называли, читатель сможет зримо представить себе жизнь и быт жителей древнейших оманских портовых городов, «колыбели мореходов» Аравии.

Сведения об Омани, оставленные именитыми собирателями аравийской старины, знаменитыми арабскими историками, географами и прославленными путешественниками-портретистами Аравии, изложенные в этой книге, расскажут любознательному читателю и о богатом историческом прошлом Омана, одного из мест обитания автохтонов Аравии, «арабов угасших», и о легендах, сказаниях, обычаях и нравах оманцев. Познакомят его с правившими в этой стране династиями и с морскими экспедициями оманцев, торговыми и военными, в «чужие земли», к берегам Восточной Африки, Индии и Китая. Информировать о приходе в Оман христианства и ислама, и о кровопролитных войнах племен Омана за независимость во времена Халифата. Поведают о вторжениях в Оман персов и *карматов*, сельджуков и *ваххабитов*, португальцев и турок, а также об острой схватке за Оман Англии и Франции, и об отношениях Омана с Соединенными Штатами.

Солидный массив архивных документов, представленный в этой книге, донесет до читателя интереснейшие сведения о неизвестных и малоизвестных страницах истории отношений Омана с Россией.

Взяв в руки эту книгу, читатель познакомится с сохранившимися в архиве времени, непубликовавшимися ранее заметками и записками об Омани, «крае ладана» и родине Синдбада-морехода, российских дипломатов и купцов, путешественников и капитанов судов, торговых и военных.

Часть I

Дневник памяти

‘Уман (Оман) в работах именитых исследователей Аравии, известных историков, географов и собирателей аравийской старины, в воспоминаниях мореходов и путешественников, в донесениях, заметках и записках дипломатов

Интересные главы увлекательной саги открытия Омана связаны с экспедициями Скилака и Неарха. Информацию о них донесли до нас сочинения историков и географов античности.

Со слов «отца истории» Геродота Галикарнасского (ок. 484 – ок. 425 до н. э.), Скилак из Карианды, греческий мореплаватель и географ, происходил из «древнего морского народа карийцев». По поручению Дария I, царя Персии из династии Ахеменидов (правил 522–486 до н. э.), у которого он состоял на службе, мореход прошел на судах (519–516) по р. Инд и вдоль побережья Южной Аравии. Пересек «неприветливое море», известное сегодня как Красное, «опасное рифами и ветрами сильными», и добрался до места у входа в нынешний Суэцкий канал. На составленное им описание этого морского пути, «Перипл Скилака» (руководство по навигации), с содержащимися в нем характеристиками гаваней и крупных портов Южной Аравии, в том числе Сухара и Маската, ссылались впоследствии Аристотель (385–322), ученик Платона, а также историк и географ Страбон (64/63 до н. э. – 23/24 н. э.).

Весомый вклад в общемировой свод сведений о прибрежных землях Юго-Восточной Аравии, часть которых принадлежала в то время Оману, внесла вошедшая во всемирную историю мореплаваний экспедиция Неарха (умер около 312 г. до н. э.), друга детства Александра Македонского и его флотоводца. Цель данной экспедиции, предпринятой по завершении похода Македонского в Индию, состояла в исследовании морского пути из Индии в Месопотамию. Плавание продолжалось с 21 сентября 325 г. по 22 января 324 г. до н. э. (флотилия Неарха проследовала через Аравийское море, Ормузский пролив и Персидский залив). Помощником Неарха во время этого похода был Онексикрит, лучший кормчий Александра Македонского. Он убеждал Неарха, сообщает древнегреческий историк Арриан, пристать к мысу (к полуострову Мусандам), обнаруженному ими слева от входа в залив, что «разделяет земли персов и арабов». Отмечал, что южнее него, «на земле арабской», как рассказывал ему их лоцман-индус, находился «великий рынок оманский» и «большое пристанище корабельное» (речь идет о Сухаре), где непременно следовало бы побывать, дабы узреть «богатый край мореходов». Но Неарх «воспротивился». Сказал, что послан был Александром для того, чтобы разведать побережье персов. Собрать сведения об обитателях тамошних, их обычаях и нравах, о гаванях морских и колодцах; и понять: «плодородна та земля, или бесплодна, обитаема или пустынна». И потому «мыс гористый и большой» (полуостров Мусандам), что у входа в «залив персов и арабов», приказал пройти, не останавливаясь, как не настаивал на том Онексикрит. Личностью, к слову, был он неординарной. Ученик древнегреческого философа Диогена (412–323 до н. э.), блестящий офицер флота и историк, Онексикрит сопровождал Александра Македонского во всех его азиатских походах. И если Неарх командовал всем греческим флотом, то Онексикрит являлся личным кормчим Македонского.

В отчете об этой экспедиции, снабженном различного рода комментариями астрономического, географического и этнографического характера, Неарх, по словам Арриана, кратко описал и сам «залив персов и арабов», где встречались «твари морские невероятной вели-

чины», и острова, в прибрежных водах которых местные жители вылавливали «драгоценный жемчуг в большом количестве». Упомянул он и о том (первым, кстати, из европейцев), что слышал во время похода о гаванях морских, глубоководных и удобных, в землях арабов, что ниже от пролива, и о рынках торговых тамошних, бойких и богатых.

Пройдя древним морским торговым путем из Индии в Двуречье (Месопотамию), Нearch всецело и решительно, по выражению Арриана, поддержал намерения Александра Македонского по «освоению Аравии». Выступил горячим сторонником идеи своего военачальника, первооткрывателя Востока, насчет того, чтобы основать в «землях благовоний, алоэ и амбры», в центрах морской торговли арабов Южной Аравии, греческую морскую базу, а вдоль «побережья арабов» заложить цепь сторожевых постов – для контроля над судоходством на морском торговом пути из Индии в Вавилон.

Знаменитый арабский историк, географ и путешественник-негоциант Абу-л-Хасан 'Али ибн ал-Хусейн ал-Мас'уди (896–956) поведal в своих увлекательных сочинениях о торговых связях арабов Прибрежной Аравии, в первую очередь Адана (Адена) и 'Умана (Омана), с царствами и народами Индии и Восточной Африки. «Ходил он в земли черных людей», как тогда говорили, на аравийских парусниках «торговцев из 'Умана». И воочию убедился как в высоких профессиональных навыках мореходов тамошних, «арабов из 'аздов», так и в мощи, и величии «царства 'Уманского», распростершего власть свою на ряд городов-портов на побережье зинджей. Владельцы судов и негоцианты Южной Аравии, отмечает ал-Мас'уди, йеменцы и оманцы, именовали в то время все народы Восточной Африки зинджамии, то есть людьми с темным цветом кожи, а воды вдоль восточноафриканского побережья – Морем зинджей. В Со-фале, замечает он, торговцы из Йемена и Омана закупают золото, слоновую кость и «другие сокровища». Из Занзибара везли рабов, а из Малинди, еще одного популярного среди них рынка в Восточной Африке, – железную руду. Доставляли ее в Индию и размещали там заказы на изготовление железа, из которого впоследствии йеменские и оманские оружейники ковали мечи, делали кольчуги и кинжалы.

Жители Южной Аравии, пишет ал-Мас'уди, особенно оманцы, были искусными корабельщиками и опытными мореходами. Суда свои строили не только в Омани, но и в Индии. Загружали их товарами индийскими, и с попутными ветрами возвращались в родные гавани и порты.

В своем знаменитом сочинении «Золотые копи и россыпи самоцветов» ал-Мас'уди рассказывает, что торговцы и владельцы судов из Омана везли в Багдад и Дамаск специи и самоцветы из Индии и с Цейлона, шкуры «красных леопардов» (из них мастерили седла), «панцири черепах» и «клыки слонов» (бивни) из Африки. И все эти «товары дорогие» шли в земли Халифата, по его словам, в «огромном количестве». На рынках самого же Омана и особенно соседнего с ним Адена широким спросом пользовалась *ад-дурра* (просо), которую завозили из владений зинджей (из Африки).

Из свода рассказов мореходов Южной Аравии, представленных в книге «Цепь историй» Абу Зайда Хасана ас-Сирафи (ум. 979), известного собирателя сказаний об арабских путешественниках и мореплавателях, следует, что оманцев, навевывавшихся в земли зинджей морем и торговывших с ними финиками, они называли «счастливыми людьми» из «царства финиковых деревьев». Финики и сладости, приготовленные из них, зинджи обожали, и потому «лакомства оманские» обменивали на товар свой с превеликим удовольствием.

Передвигаться по морю ал-Кулзум (Красное море), повествует ас-Сирафи, было непросто – из-за множества коралловых рифов в нем. Но мореходы-южноаравийцы хорошо знали «карту рифов» и календарь «противных ветров», и жаживали туда безбоязненно.

Именитый арабский географ, или «землеописатель», как его величали арабы Южной Аравии, Шамсуддин [Шамс ад-Дин] Мухаммад ибн Ахмад ал-Мукаддаси (945–991), автор труда «Лучшее разделение для познания климатов», сообщает, что самыми известными в его время торговыми городами-портами Омана считались Сухар (Сохар) и Маскат. Первый

из них он именуется «сокровищницей Востока», «преддверием Китая», аравийским центром торговли китайским шелком и фарфором. О Маскате говорит как о «пристанище купцов», городе неповторимых по колориту рынков и «восхитительных окрестностей».

Практически также писал об Омани и почитаемый среди арабов Аравии персидский поэт и мыслитель Абу Мухаммад Муслих ад-Дин ибн 'Абд Аллах Саади Ширази (1210–1291). О Сухаре (Соха-ре), одном из древнейших городов Омана, отзывался как о «месте сосредоточения богатств и сладостей жизни», а о Маскате – как о «граде мореходов и корабелов».

Крупным центром кораблестроения прошлого характеризовал Древний Оман и автор «Перипла Эритрейского моря».

Оставил воспоминания об Омани и ряде других мест в Прибрежной Аравии бывавший там (1272) великий венецианский путешественник Марко Поло (ок. 1254–1324). В своей широко разошедшейся по миру «Книге о разнообразии мира» он упоминает, в частности, о Зафаре и Калхате. Называет их одними из самых знатных городов Южной Аравии того времени. О древнем Зафаре пишет как о «городе большом и красивом». Ежедневно приходило и бросало якорь в «пристанище зафарском», сказывает он, «кораблей купеческих множество, отовсюду и с товарами разными». Вывозили же купцы на судах своих из земель Зафара, где «ладану много», благовония аравийские. «Бойкой стоянкой для судов» по пути из Индии в Персидский залив выступал, по его словам, древний Калхат. Славился он гаванью удобной и портом отменным, откуда «специи и другие товары индийские» шли в города и деревни, располагавшиеся вдали от побережья. Везли из Калхата в Индию, рассказывает он, лошадей чистой арабской породы. И от товара того имели купцы «прибыль большую», и «состояния огромные» делали, ибо продавали они там «коня хорошего за 100 серебряных монет и дороже»¹.

Город этот, именитый некогда и богатый, говорится в сводах «аравийской старины», пришел в упадок из-за сильного землетрясения, и больше не поднялся.

Повествуя о сборе ладана в землях Южной Аравии, в том числе и в нынешнем оманском Дофаре, Марко Поло отмечает, что «деревья ладаносные» по размеру небольшие – с «маленькие елки». Что надрезали их ножом, «во многих местах», и что через надрезы эти и проступала наружу камедь благовонная. Собранные жителями тех мест и доставленные на рынки благовония аравийские, сообщает Марко Поло, расходились оттуда, с караванами торговыми и судами купеческими, по всему белу свету, и приносили правителю тамошнему «доход большой».

Обратил внимание Марко Поло и на обилие рыбы в том крае. Большую рыбу местные жители разрезали на куски, сушили и ели, «как сухари». Мелкую же сушили, толкли в ступах и добавляли в корм скоту, а также удобряли ею сады и огороды².

Ведя речь о торговле края, упомянул Марко Поло и о вывозимой оттуда амбре (продукт внутренней секреции кашалотов), широко применявшейся в прошлом в странах Арабского Востока в медицинских целях и в парфюмерии. С помощью амбры «мастера ароматов» придавали духам «стойкость», как тогда говорили.

Посетил Марко Поло и легендарный Старый Ормуз (континентальный, на персидском побережье), один из центров мировой коммерции прошлого, «большой и славный город у моря». К сведению читателя, на протяжении более 240 лет (с 1261 по 1507 гг.) Ормуз (сначала континентальный, а потом островной) владел и некоторыми землями в Омани, в том числе портами Калхат и Сухар (Сохар), которые активно использовал в торговле с Индией и народами бассейна Персидского залива. Поскольку жара в тех местах стояла «сильная, невтерпеж», сви-

¹ See: The Travels of Marco Polo, trans. by William Marsden, London 1946, p. 63-69, 404-407.

² Книга Марко Поло. Перевод И. П. Минаева. М., 1995. С. 184, 200-202, 209, 210, 263; Харт Генри. Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 109-113, 164-169; *Марко Поло*. Книга о разнообразии мира. www.vostlit.info/Texts. Восточная литература. Авторы и источники на букву «П».

детельствует Марко Поло, то и обиталища свои люд тамошний строил со «сквозняками» (ветряными башнями-ловушками на крышах домов), и так охлаждал их³.

Не обошел вниманием земли Омана в своем знаменитом географическом сочинении «Таквим ал-булдан» («Упорядочение стран») и именитый сирийский принц Абу-л-Фида' (1273–1331), известный арабский историк и географ. Страна Оман, рассказывает он, обжитая 'аздами, богата финиковыми пальмами и другими фруктовыми деревьями, рыбой и животными. Есть там красивый город Маскат «с гаванью, в которой кишмя кишат суда из Синда [Южного Пакистана] и Хинда [Индии], Сина [Китая] и страны Занджав [Африки]». Много на рынках тамошних купцов иноземных и торговых лавок богатых; есть среди них и такие, полы в которых устланы листами из бронзы⁴.

Поведал Абу-л-Фида' и о сокотрийском алоэ, пользовавшимся у заморских торговцев «повышенным спросом». Повествуя о Сокотре, упомянул о его «чудесном источнике» пресной воды, к которому непременно наведывались все посещавшие остров тот мореходы. И все потому, что вода из него, как гласило одно из поверий арабов Южной Аравии, «увеличива ум человека» и «разум его крепила»⁵.

Интересные воспоминания о древних землях Омана, в том числе о Дофаре, одной из обителей 'адитов, «арабов первородных» или «арабов утерянных» ('араб ал-ба'ида), как о них говорится в преданиях арабов Аравии, принадлежат перу великого арабского путешественника и географа Ибн Баттуты (1304–1377).

Об Омани он отзывается как о крае пальмовых рощ и садов, красивых мечетей и многолюдных рынков.

Оставив Мурса Хасик (мыс и район Дофара), сообщает Ибн Баттута, их судно через 4 дня бросило якорь у Джабаль Кума'н, что посредине моря. Там, на вершине горы, проживал святой старец-отшельник. Поднявшись на ту гору, они увидели рядом с уединенным жилищем старца цистерну с дождевой водой. Самого его обнаружили спящим. Разбудили и поприветствовали. Завели с ним разговор. Слушал он их внимательно. Молчал, и только покачивал головой в ответ. Пищу, принесенную для него с судна, взять отказался. Когда попросили благословить их, то он зашевелил губами и что-то произнес. Но так тихо, что сказанное им не расслышал никто. Одет старец был в изорванную в клочья одежду. Голову его укрывал от солнца войлочный колпак греческого образца, неизвестно как к нему попавший. Ни козуха для воды, ни посоха, ни сандалий он не имел.

Остаток дня и ночь, рассказывает Ибн Баттута, они провели у подножья той горы. Дважды за это время вместе со старцем, обладавшим, как оказалось, красивым и звучным голосом, помолились. Прочтя последнюю молитву, он знаком дал им знать, что хотел бы остаться один. И, попрощавшись с ним, пишет Ибн Баттута, они удалились.

Отходя от него на какое-то расстояние, Ибн Баттута решил все же вернуться и задать старцу несколько интересовавших его вопросов. Приблизившись к тому месту, где они оставили отшельника, почувствовал, по его словам, что неожиданно теряет к тому охоту. Более того, что его одолевает страх. И, развернувшись и не оглядываясь, догнал своих компаньонов, и вместе с ними спешно проследовал прочь, выполняя просьбу старца-отшельника оставить его наедине с Богом.

Взойдя на борт судна, повествует Ибн Баттута, они продолжили путь. И через два дня подошли к группе небольших необитаемых островков. Мореходы называли то место Обителью птиц (речь, судя по всему, идет об островах Джазаир Дайманийат, месте остановки перелетных

³ Марко Поло. Книга о разнообразии мира. Перевод И. П. Минаева. Вестник Европы, 1887. № 11. Книга третья. Глава СХС и СХСVII (Ормуз) СХСV (Зафар); Харт, Генри. Указ. соч. С. 112, 113, 164, 165, 169.

⁴ Географическое описание Аравии. Из глав «Географии» (Таквим аль-больдана) Абульфеды. Казань, 1891. С. 60.

⁵ Абу-л-Фида. Книга упорядочения стран. www.vostlit.info/Texts. Восточная литература. Авторы и источники на букву «А». Публикация 2002 г. Текст.

птиц и откладывания яиц морскими черепаками). Бросили якорь и высадились. Птиц там, действительно, оказалось множество. Матросы тут же изловили с десятков пернатых. Забили их, не спустив, однако, как должно мусульманам, кровь. Ощипали, сварили в котле на разожженном ими костре и съели. Так же поступили и с собранными ими яйцами в гнездах этих птиц. Отведал того мяса, как следует из повествования путешественника, и находившийся на их судне один торговец, родом с острова Масира, но проживавший в то время в Зафаре. Стыдясь им содеянного, он потом говорил Ибн Баттуте, что и подумать не мог, что кровь у птиц матросы не спустили. Чувствовал себя торговец после этого разговора, судя по всему, настолько неловко, замечает Ибн Баттута, что ни разу после этого даже не подсел к нему, хотя он и приглашал его поговорить с ним и поведать ему о торговле края.

Сам же Ибн Баттута, с его слов, питался во время пути сначала тем, что прихватил с собой, – лепешками с маслом. Когда же припасы закончились, то перешел на рыбу с финиками. Чаще всего моряки предлагали им поесть на судне *шир махи*, как называли этот сорт рыбы персы, то есть лев-рыбу. Слово «шир» по-персидски значит лев, поясняет он, а «махи» – рыба. Ловили ее матросы по утрам и вечерам. Разрезали на большие куски, варили или поджаривали. Ели сами и предлагали каждому, кто был на судне.

На полпути к острову Масира, пишет путешественник, они попали в дикий шторм, свирепствовавший до рассвета и, чуть было, не потопивший их судно. Передвигался на нем в Оман и один пилигрим-индус. Звали его Хайдар. Другие находившиеся на корабле мусульмане-индусы почтительно именовали его *муланой*, то есть человеком, знавшим наизусть Коран. Был он к тому же еще и известным в своих краях каллиграфом, красиво воспроизводившим на бумаге «стихи» (*айаты*) из Корана. Похоже, замечает Ибн Баттута, индус этот никогда прежде не видел такой морской стихии. И, накрыв голову плащом, безостановочно читал молитвы. После того как ураган стих и море успокоилось, Ибн Баттута заинтересовался, о чем он думал, какие мысли обуревали его. Когда море неистовствовало, ответил Хайдар, меня охватил ужас, и я закрыл глаза. По прошествии какого-то времени открыл их, чтобы узреть, не пришли ли по мою душу те ангелы, которые собирают души усопших. Не приметив их, сказал про себя: «Слава богу! Если бы судну суждено было пойти на дно, то они бы непременно явились. И потому опять закрыл глаза, и продолжил читать молитвы. И так еще много и много раз, пока Господь не услышал обращенной к нему мольбы о спасении и не отвратил угрозу со стороны моря и от их корабля, и от людей на нем.

Прямо напротив их судна, повествует Ибн Баттута, находилось еще одно. Но вот оно затонуло. Не спасся никто, кроме одного правоверного мусульманина. Ему удалось добраться до берега вплавь, с именем Господа на устах.

Следующим местом, где они встали на якорь, рассказывает Ибн Баттута, был остров Масира. Там проживал владелец их *бума*, океанского аравийского парусника. Рыбы на острове том имелось в достатке, а вот все другие продукты завозили с Оманского побережья, из Эль-Батины.

Покинув Масиру, проведя в пути день и ночь, сообщает Ибн Баттута, они пришли в «гавань большого города под названием Сур». Оттуда хорошо просматривался лежавший за ним древний город Калхат, о котором он много слышал от торговцев, арабов и индусов. Все они отзывались о граде том, как о месте «бойких и многолюдных рынков», и одной из красивейших в мире мечетей.

Ибн Баттута захотел непременно посетить Калхат. Но их судно, после стоянки в Суре, планировало побыть там не больше суток. И потому он решил отправиться туда по суше, не дожидаясь отхода корабля из Сура. Путь в Калхат, говорит путешественник, оказался далеко не таким легким и близким, как он себе представлял, всматриваясь в его очертания из Сура. Ко всему прочему, постоянно приходилось быть начеку. И все потому, что нанятый им проводник, как понял Ибн Баттута, положил глаз на его вещи, и задался мыслью прибрать их к рукам.

Всякий раз, когда провожатый во время ночлега под открытым небом начинал ворочаться, то путешественник, по его словам, ясно давал ему знать, что не спит.

И вот, наконец, перед его взором предстал Калхат. Стражник у въезных ворот, поинтересовавшись, кто он и зачем пожаловал, заявил, что Ибн Баттута надлежит проследовать вместе с ним к губернатору города, дабы лично поведать ему о том, что привело его в Калхат, и куда он держат путь. Человеком, сообщает Ибн Баттута, губернатор оказался обходительным и любознательным. Заинтересовавшись беседой с ним, пригласил к себе в гости. И никак не хотел отпускать. Ибн Баттута прожил в его доме шесть дней. Жара в Калхате стояла невыносимая; и он, по его выражению, изрядно подустал, и едва держался на ногах.

Познакомившись с городом, Ибн Баттута, судя по всему, был сильно впечатлен всем тем, что увидел там. Особенно той мечетью, о которой так много слышал, мечетью с гробницей легендарной Биби Марйам, дочери правителя Ормуза Бахи ад-Дина Айза. Возведенная на возвышенности и смотрящая изящным фасадом на море и гавань, она притягивала к себе взоры всех, без исключения, прибывавших в город мореходов, торговцев и путешественников. Стены ее, покрытые красивыми изразцами с изображениями животных и растений, изящный *михраб*, указывающий направление на Мекку, резные входные двери и потолок, действительно, делали мечеть эту одним из красивейших творений человека, говорит путешественник.

Находясь в Калхате, повествует Ибн Баттута, он ел там такую вкусную рыбу, какой прежде ему вкушать не доводилось, ни в одной другой стране мира. Подавали ее к столу с рисом. Завозили его из Индии. Оттуда же поступали и многие другие продукты. Ели оманцы исключительно руками, и торговцы, и шейхи, и простой люд.

Население Калхата, отмечает Ибн Баттута, составляли в основном торговцы. Язык жителей города, хотя и являлись они арабами, назвать чистым арабским можно было едва ли. Чувствовалось влияние персов. Каждое предложение, что интересно, рассказывает он, калхатцы «превращали в вопрос», добавляя в конце слово «ля» («нет»). Говорили, к примеру: «Вы ели сегодня, нет?»; «Вы ходили на рынок, нет?»; «Вы делали то-то и то-то, нет?». Большинство горожан и жителей сел в окрестностях Калхата, делает интересное замечание путешественник, являлись *хариджитами* (самая ранняя в исламе религиозно-политическая группировка, образовавшаяся в ходе борьбы за власть в Халифате между 'Али и Му'авийей). Однако открыто следовать их догмату не могли, поскольку находились под властью короля Ормуза, Султана Кутб ад-Дина, суннита.

Упомянул Ибн Баттута и о располагавшейся в окрестностях Калхата живописной деревушке Тайба, «с журчащими ручьями и цветущими садами». Оттуда, сообщает он, в Калхат поставляли фрукты, а на Ормуз – плоды «растения *эль-муррувари*». Смысл этого, укрепившегося за ними персидского названия, – «драгоценные», что говорит о том, настолько нравились они персам.

После Калхата, как следует из заметок Ибн Баттуты, он в течение семи дней добирался до Низвы, города, что во Внутреннем Омани, лежащего у подножья гор и окруженного фруктовыми садами и рощами финиковых пальм. В Низве, пишет он, которую арабы Омана именуют порой Назвой, – богатые рынки и красивые мечети, величественные и тщательно прибранные. Люди, проживающие там, – отважные и смелые; племена – воинственные, и потому, то и дело, схлестываются друг с другом. Арабы тамошние принадлежат к секте *ибадитов*. Когда имам их произносит в мечети *хутбу* (проповедь), то молится в ней только за «праведных» халифов Абу Бакра и 'Умара, и ни словом не упоминает двух других – 'Усмана и 'Али (в пятницу, к сведению читателя, *хутба* предшествует молитве, а в другие дни – следует за ней). Если же в проповеди и ссылается на те или иные поступки или слова халифа 'Али, то имени его не произносит, а называет Человеком. Говорит, к примеру: «Человек сказал то-то и то-то».

Женщины-оманки, жены и наложницы в гаремах, рассказывает Ибн Баттута, – «большие интриганки». Мужчины к проявлению женщинами ревности по отношению к ним абсолютно безразличны, и к интригам, что они плетут в гаремах, относятся спокойно.

Есть в Омане, пишет Ибн Баттута, и другие именитые города, помимо названных им, о которых он много слышал во время его путешествия по этой стране, а именно: Изки, Сухар (Сохар) и Эль-Курйат, Кальба и Хор Факкан (в наши дни два последних из них принадлежат ОАЭ).

Правителя земель 'Умана (Омана), значительная часть которых, по словам Ибн Баттуты, «зависела в то время от Ормуза», он характеризует, как человека разумного. Сообщает, что происходил владыка Омана, имам Абу Мухаммад ибн Набхан, из колена племени *ал-'азд ибн ал-гаус*. Слыл властелином справедливым и отзывчивым. Ежедневно усаживался у входных ворот во двор своего дома для встреч с населением, горожанами и бедуинами. Внимательно выслушивал их жалобы и просьбы, и, если мог, то непременно помогал им. Никому не запрещалось являться на эти встречи, ни арабам-оманцам, ни чужеземцам. И потому о том, что происходило во владениях его, узнавал он быстро. Не было у него, рассказывает путешественник, ни управляющего двором, ни камергера. Но вот писарь и визирь, люди знающие и образованные, имелись. Гостей он принимал и чествовал в соответствии с традициями и обычаями предков. Угощал, как должно владыке, и одаривал щедро – «в соответствии со статусом гостя»⁶.

Династия Набхани, о которой мы еще обстоятельно информируем читателя в этой книге, правила Оманом 460 лет (с 1164 по 1624 гг.).

'Абд ар-Рашид Ибн Салих ибн Нури ал-Бакуви, знаменитый арабский географ второй половины XIV – начала XV, родившийся, к слову в Баку, писал в своем увлекательном сочинении, «Книге о "памятниках" и чудесах царя могучего», что Оман, раскинувшийся на морском побережье, восточнее Йемена, почитался у народов Аравии землей мореходов и торговцев. Ходили они оттуда за товарами и в страну ал-Хинд (Индия), и на Сарандиб (Цейлон), и к народам моря ал-Кулзум (Красное море), и в земли зинджей (Африка). Из Суфалы (город на юге Мозамбика), одного из центров торговли зинджей, везли золото и рабов, а из страны Хабаши – бивни слонов, которые называли «белой костью»; «черной костью» именовали африканских рабов.

Особо славился Оман, отмечает ал-Бакуви, отзывчивостью и гостеприимством его жителей. Потому-то Пророк Мухаммад и наставлял первых своих последователей, подвергавшихся жестоким гонениям со стороны язычников, чтобы те из них, кому трудно будет добыть средства к жизни, шли в Оман⁷.

О вездесущих торговцах и талантливых мореходах из Омана, «владельцах судов из 'аздов», упоминал в своих путевых заметках и итальянский путешественник Пьетро делла Валле (1586–1652). Из Маската, понравившегося ему своими рынками и фортами, он планировал попасть в Йемен, чтобы воочию познакомиться, как говорил, с великим письменным и архитектурным наследием химйаритов. Следует, думается, сказать и о том, что бывал он и в землях других ушедших в легенды крупных мегаполисов Древнего мира, тесно общавшихся с землями Омана, – в Вавилоне, Ниневии и Уре. Собрал там и вывез на родину богатую коллекцию клинописных табличек, с текстами об их торговых сношениях с Маганом, как именовали Оман жители тех мест.

Яркие и интересные заметки об Омане вообще и Маскате в частности оставили англичане. Так, Джон Фрайер (ок. 1650–1733), путешественник и писатель, посетивший Маскат в марте 1676 г., был впечатлен красивыми многоэтажными домами этого города. В Маскате,

⁶ Colonel S. B. Miles. The Countries and the tribes of the Persian Gulf, London, 1919, vol. II, p. 476-484; <https://dl.wdl.org/17107/serice/1707.pdf>

⁷ *'Абд ар-Рашид ал-Бакуви. Книга о памятниках и чудеса царя могучего. Первый климат. Глава 34. Оман. www.vostlit.info/Texts.*

по его словам, проживали многочисленные коммуны торговцев. Самыми деятельными из них, «главенствовавшими на местном рынке», выступали крепко спаянные торговые сообщества арабов, евреев и индусов-*банийанов*⁸.

Известно, что после изучения медицины в Кембриджском университете Джон Фрайер отправился в Индию, где состоял на службе в Ост-Индской компании, занимал должность врача-хирурга. С торговыми экспедициями компании побывал в землях Персии и Прибрежной Аравии.

Капитан Эдвард Сэй, судно которого потерпело крушение у острова Масира (вторая половина XVII века), долго прожил с оманцами. Много путешествовал по стране. И ни разу при этом, как вспоминал впоследствии, не был ограблен. Познакомился с обычаями и традициями, жизнью и бытом населения Омана, кочевников и горожан. Его перу принадлежат интересные зарисовки о дозорно-сторожевых башнях и крепостях Омана, замках и фортах, рынках и судостроительных верфях. Дерево для сооружения судов (*доу, бугал и самбук*), рассказывает он, завозили в Оман из Индии. Для мачт, киля и обшивки использовали малабарский тик, а вот шпангоуты изготавливали из местной акации. Корпус пропитывали акульим жиром⁹.

Из воспоминаний капитана Александра Гамильтона, посетившего Маскат в 1715 г., следует, что, гуляя вечером по тесным улочкам города, он повстречался с самим правителем Омана, которого сопровождала многочисленная охрана, вооруженная ханджарами (кривыми национальными кинжалами) и мечами. Дабы пропустить их, он прижался спиной к стене. И тогда, неожиданно для путешественника, владыка Омана подал знак гвардейцам посторониться и не препятствовать прохождению гостя-иностранца, что те тотчас же и исполнили. Затем, повернувшись к Гамильтону, взглядом и поворотом головы дал знать, что он может следовать дальше, уступив, по сути, ему дорогу. Из сказанного явствует, замечает Гамильтон, как маскатцы относятся к чужестранцам – приветливо и уважительно.

Сполна ощутил на себе Гамильтон, побывавший также в Дофаре, на островах Куриа Муриа и Масира, на мысе Ра'с-эль-Хадд и в древнем городе Карйате, все «прелести» аравийского лета – страшную жару и нестерпимую духоту. Видел, находясь в Маскате, как местные жители жарили рыбу на раскаленных солнцем камнях¹⁰.

О нестерпимо знойном воздухе в Маскате писал в своих заметках об Омани и бывавший там в 1716 г. капитан Генри Корнуолл. Отмечал наличие множества морепродуктов на местном рыбном рынке. Рассказывал и о случившихся там, порой, плутовстве и мошенничестве со стороны торговцев, и рекомендовал быть начеку¹¹.

В 1765 г. Маскат посетил великий исследователь-портретист Аравии Карстен Нибур (1723–1815), немецкий ученый, состоявший на датской службе. Побывал он также в Хиджазе, Йемене и на Бахрейне. Повествуя в своем увлекательном сочинении «Описание Аравии» о сильных и слабых сторонах характера аравийцев, он упомянул, в частности, о присущих им, как сам в том убедился, гостеприимстве и тяге к знаниям, о готовности «познавать и учиться». Арабы Аравии, говорил он, не стыдились научиться у европейцев чему-нибудь полезному. Проявляли живой интерес ко всему новому. К иностранцам, или к представителям народов «чужих земель» в их речи, с «миром путешествовавших» по городам и весям Аравии, относились подчеркнуто уважительно.

Шейхов аравийских племен, будь то в Йемене или в Омани, или еще где-нибудь, Нибур величал «истинными хозяевами» своих мест обитания (*даир*). Владения их, сказывал он, были закрыты только для тех, кто «являлся к ним с дурными намерениями». Тех же, кто приходил

⁸ John Fryer, A New Account of East India and Persia, London, 1919, vol. II, p. 155, 156.

⁹ John Ovington, A Voyage to Surat in the Year 1689, Oxford, 1929, p. 251.

¹⁰ Alexander Hamilton, A New Account of East Indies, 2 vols, London, 1930, vol. I, p. 45.

¹¹ Henry Cornwall, Observations upon Several Voyages to India out and Home, London, 1720, p. 42.

с миром, чтобы торговать или «делиться знаниями жизни и ремесел», они привечали и принимали сердечно.

«Описание Аравии» – это увлекательный рассказ об Аравии кофейной и Аравии корабельной, о землях благовоний и жемчуга. Это – познавательное историко-этнографическое путешествие в йеменские Моху и Бейт-эль-Факих, некогда кофейные центры мира; в оманские Сур и Сухар с их крупными судостроительными верфями. Это – хождения с купцами на Бахрейн, «известный повсюду в мире своим жемчужным промыслом»; и, конечно же, в Маскат, откуда «в обилии» шли на вывоз финики, и где рыбы в прибрежных водах было «видимо-невидимо»¹².

Возвращаясь к разговору об известных англичанах-портретистах Омана, следует познакомить читателя и с Авраамом Парсонсом, посетившим Оман в 1775 г., по пути из Бушира в Бомбей, и ярко описавшим его. Маскат с красивой гаванью и «портом удобным» он называл крупным центром торговли в землях Южной Аравии, где видел «много товаров и купцов заморских». Сказывал, что все суда английские, шедшие с товарами из Индии в Басру, непременно останавливались в Маскате, где скапливалось «огромное количество товаров». Мест для их хранения в порту не хватало, и товары складывали прямо на улицах, примыкавших к порту. Ночью и днем они оставались без присмотра, но случаев хищения и краж не наблюдалось. Когда он знакомился с Маскатом, вспоминал Парсонс, а было это летом, в августе месяце, то жара там стояла страшная, и люди за продуктами ходили на рынки только по вечерам¹³.

Что касается «аравийской саги» Британской империи и ее деятельности конкретно в Омани, то ярко и интересно она отражена в работах сэра Джона Малкольма (1769–1833), шотландца, офицера английских колониальных войск в Индии, дипломата и разработчика британской политики в Южной Аравии и в Персидском заливе. Этот человек, к разговору о котором мы еще вернемся, справедливо рассматривается исследователями прошлого «Острова арабов» одной из наиболее заметных, после португальца д'Албукерки, фигур, когда-либо появлявшихся на авансцене истории колониализма в данном районе мира¹⁴.

В январе 1800 г. Джон Малкольм во главе специальной миссии прибыл в Бендер-Бушир (Персия). В течение четырех месяцев *малкольмовцы*, как они фигурируют в донесениях российских дипломатов, трудились, не покладая рук. обстоятельно исследовали не только побережье Персии и принадлежавшие ей острова, но и некоторые районы в Южной Аравии, в том числе Маскат, а также некоторые порты в землях Аш-Шамал (нынешние ОАЭ), в частности Кальбу, Хор Факкан и Ра'с-эль-Хайму. Деньги, потраченные миссией Малкольма на вербовку агентов и подкуп шейхов, были впечатляющими, сообщают историки. И английское правительство долго потом не могло забыть о «восточной расточительности» Малкольма. При всяком удобном случае Лондон напоминал ему о крупных финансовых средствах, «утекших из казны в Персию и Аравию», и о необходимости их восполнения – путем увеличения «портфеля колониальных приобретений» в зоне Персидского залива.

Во время пребывания миссии в Персии Малкольма наведался и в Маскат. Поднес владыке Омана богатые подарки и добился пролонгации чрезвычайно важных для Лондона англо-оманских договоренностей от 1798 г., не позволявших имаму вступать в какие бы то ни было контакты с Голландией и Францией, главными в то время соперниками Англии в зоне Персидского залива. Громкие заявления о «вечной дружбе», сделанные им во время встреч с имамом, оказались всего лишь дипломатическими реверансами в сторону Омана. Подтверждением тому – инициатива, с которой он выступил практически сразу же после этого, при-

¹² Сенченко И. П. Аравийский полуостров: «колыбель арабов». СПб, 2014. С. 47-54.

¹³ Parsons, Abraham, Travels in Asia, London, 1808, p. 207, 208.

¹⁴ Kaye J. W. The Life and Correspondence of Sir John Malcolm, London, 1865, vol. I, p. 433-435, 438.

зывая английское правительство «подвинуть Маскат», и как можно скоро, от прямой торговли с Индией¹⁵.

В 1816 г. Оман посетили два именитых англичанина – Уильям Худ (в ноябре) и Джеймс Силлк Букингем (декабрь). Последний из них, Букингем (1786–1855), был не только знаменитым путешественником, как первый, но и видным журналистом, писателем и общественным деятелем, членом парламента. В 1818 г. он основал популярный среди англичан журнал – «Culcutta Journal», принесший ему широкую известность. В 1823 г. его журнал опубликовал ряд острых критических статей по адресу Английской Ост-Индской компании, долгое время выступавшей проводником британской политики в зоне Персидского залива. Реакция английских колониальных властей в Индии на эти статьи, жесткая и даже озлобленная, как о ней отзывался Букингем, вынудила его покинуть Индию и возвратиться в Англию.

В своих заметках об Аравии он рассказал о крупнейшем в то время на полуострове невольничьем рынке в Маскате. Поведал о том, что «живой товар», то есть невольников-африканцев, торговцы оманские перевозили в трюмах большегрузных океанских парусников (*доу*), человек по триста.

Упомянул, как и многие другие путешественники, и о вывозе в Индию из Омана, Кувейта и Басры лошадей чистой арабской породы. Лошади в Индии, отмечал путешественник, и в первую очередь у расквартированной там английской армии, пользовались повышенным спросом. Доставляли их в Бомбей, Мадрас и Калькутту на специально оборудованных судах, по 80–100 голов на каждом. В Бомбее продавали половину ввозимых в Индию лошадей, другую половину – в Калькутте и Мадрасе. Чистая прибыль торговца составляла не менее 100 рупий с лошади¹⁶.

Что касается Уильяма Худа, то из его книги «Вояж в Персидский залив и путешествие из Индии в Англию» следует, что прибыл он в Маскат 12 ноября 1816 года. Передвигался на арабском судне (покинуло Бомбей 26 октября 1816 г.) вместе с 90 другими пассажирами: персами и арабами, турками и евреями, торговцами и пилигримами. При входе в Маскатскую бухту видел, как ее покидала отправлявшаяся в Бомбей, как ему сказали, оманская торговая флотилия, состоявшая из 25 судов, в сопровождении фрегата с 40 орудиями. В самой бухте стояли два больших английских судна и 30–40 местных парусников, находившихся под погрузкой и разгрузкой товаров: фиников, соли, риса и других. На берег его доставила небольшая лодка с гребцами-рабами из Африки. У таможи на берегу, где он высадился, а также на улочках, шедших к рынкам, и на самих рынках толпились люди – горожане, кочевники и рабы. Среди них выделялись торговцы-индусы, стражники-белуджи и лоточники-евреи. Все попадавшие ему на глаза мужчины-оманцы и белуджи были вооружены; арабы – кинжалами, мушкетами с фитильными замками и копьями, а белуджи – *ханджарами* и двуручными мечами. И при этом – ни грубости, ни хамства, ни неучтивости, ни оскорблений.

В окрестностях города трудились рабы. Вот они-то, замечает У. Худ, дерзили и хамили прохожим, и даже, случалось, обирали невооруженных странников, оказывавшихся за чертой города, тех же любознательных торговцев и путешественников.

О маскатцах-*ибадитах* У. Худ отзывается как о людях прямолинейных и откровенных, честных и толерантных по отношению к представителям других вероисповеданий и рас.

Побывал У. Худ и на маскатском рынке невольников, где три раза в неделю устраивали торги рабов. Покупая их, осматривали с пристрастием, с головы до ног, особенно невольниц для утех.

Маскат У. Худ описывает как крупный торговый центр Омана, откуда торговцы везли финики, кофе, серу, лошадей и верблюдов. В городе, по его оценке, проживало около 30 000

¹⁵ *Sultan Muhammad Al-Qasimi. The Myth of the Arab Piracy in the Gulf, London, 1986, p. 39.*

¹⁶ *Сенченко И. П. Кувейт. Мозаика времен. СПб, 2017. С. 571, 574.*

чел., а вместе с четырьмя прилегавшими к Маскату селами численность тамошнего населения составляла около 47 000 человек.

Во время нахождения в Маскате У. Худ повстречался с правителем, *сеййидом* Са'идом ибн Султаном. Принимал он его вместе с другими просителями, на открытой веранде дворца, в окружении писарей-секретарей, толмачей и слуг-рабов.

По тому как владыка Омана поздаровался с ним, поднявшись со своего кресла, и по заданным ему вопросам, говорит У. Худ, было видно, что о каждом, явившемся на аудиенцию, ему доложили.

Сеййид Са'ид, отмечает У. Худ, владел крупным морским флотом, насчитывавшим до 35 судов. Войско его состояло в основном из наемников-белуджей; и в случае необходимости он мог выставить 7000 воинов под седлом¹⁷.

В 1817 г. в Омани побывал английский путешественник Джон Джонсон. Делясь впечатлениями о Маскате, писал, что жара там летом стояла такая, что жители покидали город и перебирались в окрестности, поближе к пальмовым рощам, где разбивали шатры и проводили в них лето, коротая время по вечерам за дружеской беседой с чашкой кофе. Даже правитель Омана, замечает он, и тот оставлял столицу, и переселялся в Барку.

Поведал Джон Джонсон и о жизни рабов в Омани. Завозили их туда работоторговцы, и довольно долго, надо сказать, на судах под французским флагом, дабы избежать задержания сторожевыми кораблями англичан. За разрешения на право пользования французским флагом, которые они получали во французском консульстве в Омани, либо же в Джибути, подвластном тогда Франци, платили ежегодные сборы.

В 1820–1829 гг. Бомбейское морское ведомство организовало несколько исследовательских экспедиций в Персидский залив. Был среди их участников-офицеров и лейтенант Уайтлок, неплохо, к слову, знавший арабский язык и рассказавший в своих воспоминаниях об арабах Оманского побережья. Отзывается о них как о людях гостеприимных и отважных, но в то же время – и как о лихих пиратах. Пишет, что совершали они морские набеги, дерзкие и грабительские, не только на торговые суда, но и на города, и села в прибрежных частях Аравии и Персии, Индии и Восточной Африки. Добычу, захваченную ими, включая, порой, и сами суда, дабы востребовать потом с торговцев выкуп за них, свозили и перегоняли в их «гнезда пиратские», свитые в гаванях и бухтах вдоль побережья от Ра'с-эль-Хаймы до Абу-Даби. Потому-то и именовалась земля та среди мореходов и торговцев «обителью пиратской».

Жители тех мест, повествует лейтенант Уайтлок, особенно арабы Ра'с-эль-Хаймы, племена *кавасим*, издавна занимались морским разбоем и грабежом, и потому само слово «*кавасим*» стало у англичан синонимом слова «пират».

К сведению читателя, разбойничья флотилия этого племенного союза, по словам упомянутого уже нами У. Худа, состояла из 60 больших и 900 малых парусных судов. Некоторые из них имели на вооружении до 40 орудий и экипаж в 300 матросов (численный состав всей флотилии доходил до 19 000 человек).

Интересные воспоминания о Маскате, Оманском побережье и об Ормузе первой половины XIX века оставил Джеймс Фрейзер (1738–1856). В начале 1821 г., находясь в Бомбее, он познакомился с доктором Эндрю Джуксом, назначенным вскоре главой миссии Ост-Индской компании для проведения коммерческих переговоров в Персии. Он-то и предложил Джеймсу войти в состав этой миссии. К тому времени Джеймс Фрейзер довольно долго уже пробыл в Индии, куда приехал из Шотландии (1813). Успел поработать и торговым представителем одной фирмы в Каликуте (Калькутте), и поучаствовать в научной экспедиции, организованной его братом, Уильямом Фрейзером, в целях поиска истоков рек Ганга и Джамны. Предложение, сделанное ему, Джеймс Фрейзер принял охотно.

¹⁷ William Heude, Voyage up the Persian Gulf and a journey over land from India to England in 1817, London, 1819, p. 19-34.

Судно «Френсис Варден», на борту которого находилась миссия Ост-Индской компании, вышло из Бомбея 14 мая 1821 года. По пути в Персию побывало в нескольких портах Омана, в том числе в Маскате. О впечатлениях об этом городе Джеймс Фрейзер поведал в своем увлекательном сочинении «Описание путешествий в Хорасан в 1821 и 1822 гг.». К побережью Омана, сообщает он, судно подошло 5 июля 1821 г., и бросило якорь у мыса Ра'с-эль-Хадд (Мыс конечности земли). Там располагался небольшой одноименный городок. Заложили его в целях защиты земель Омана от набегов со стороны моря.

8 июля их шхуна вошла в живописную бухту, на берегу которой красовался древний город Маскат. Самым большим зданием в нем был стоявший у воды дворец правителя Омана. На северо-западной стороне города, на скале, возвышался форт с несколькими сторожевыми башнями, соединенными между собой высокой оборонительной стеной с 2–3 батареями орудий на ней. Напротив этого форта располагался еще один. Первый из них назывался Великолепный (Джалали), а второй – Превосходный (Камали [речь идет о форте Мирани]). Скалы, свисавшие над бухтой, рассказывает Дж. Фрейзер, венчали небольшие, но довольно мощные фортификационные сооружения со сторожевыми башнями. Население города насчитывало 10–12 тыс. человек, в том числе около 1 тысячи индусов, выходцев из Катча и Гуджарата¹⁸. Улочки Маската «кишмя кишели рабами», рослыми, как на подбор, и крепко сложенными.

Ведя речь о местных женщинах, Дж. Фрейзер отмечает, что сказать что-либо конкретно об их внешности он не может, так как с головы до ног их «укрывали длинные черные покрывала, служившие им и мантией, и паранджой одновременно». Походили они на «монахинь, покинувших свои кельи».

Повествуя о проживавшей в Маскате общине индусов, Дж. Фрейзер говорит, что, учитывая ее весомые роль и место в торговле Омана с Индией, владыка Омана взял даже купцов-индусов под личную опеку и защиту. Им разрешалось свободно исполнять свои религиозные обряды и иметь собственные храмы, посвященные в том числе богине Кали Деви, убившей, как гласят легенды, шайтана. Службу, вместе с тем, надлежало проводить в них «без лишнего шума», как подчеркивалось в указе правителя. Двумя влиятельными артелями торговой общины индусов в Маскате Дж. Фрейзер называет ювелиров из клана *джейнитов* и ростовщиков из касты *банианов*.

Центром коммерческой деятельности купцов-индусов на Оманском побережье считался тогда Матрах, небольшой, в описании Дж. Фрейзера, городок вблизи Маската. Там они держали торговые ряды, меняльные конторы, отделения «денежных домов» (ссудных контор) и ювелирные мастерские.

Маскат, замечает Дж. Фрейзер, – одно из самых «облюбованных мореходами» мест на всем Аравийском побережье. Здесь они пополняют запасы воды и продовольствия. В горных районах Омана – множество финиковых рощ, фруктовых садов и виноградников. Оттуда в Маскат регулярно подвозят свежие фрукты: виноград, белый и черный; персики и плоды манго, сладкие и сочные; гранаты и лимоны; и, конечно же, финики. Они в Омане – в изобилии, восклицает Фрейзер.

Маскат, продолжает он, богат рыбой. Сортов ее в прибрежных водах столько, что и не счесть. Есть устрицы, мелкие, правда, но вкусные. Рынки отменно снабжаются мясом. Коз в этой стране – бесчисленное множество. Коровы – двугорбые, молока дают много. Масло – в избытке, и разных сортов. Домашний скот в окрестностях городов, где пастбищ недостает, кормят сушеной рыбой, слегка приправленной истолченными в порошок финиковыми косточками. Много домашней птицы. Быстро портящиеся продукты – рыбу, мясо, фрукты и овощи – поставщики, имеющие на то специальные разрешения от городских властей, завозят на рынки Маската ежедневно. Сбивают оптом, владельцам лавок. Что не удастся реализовать в течение

¹⁸ Frazer, James B., Narrative of a Journey into Khorasan in the Years 1821 and 1822, London, 1825, p. 67.

дня, распродают по вечерам, по минимально низким, символическим, можно сказать, ценам; и только в специально отведенных для этого местах, за городской стеной¹⁹.

Погода в Маскате, пишет Дж. Фрейзер, – несомненно жаркая. Состоятельные маскатцы проводят это время года в горной деревушке Сардаб, а правитель Омана – в летней резиденции, милях в 50–60 к востоку от Маската.

Деньги в землях Омана, по его словам, ходили в то время разные. За сто немецких *крон*, например, в меняльных конторах давали 217 бомбейских *рупий*. Однако цены на товары на рынках тамошних торговцы устанавливали только в местных *мухамиди*; 20 медных монет *мухамиди* равнялись одному испанскому доллару. Местные мелкие монеты назывались *гузами*; 20 *гуз* составляли один *мухамиди*, а полтора *мухамиди* приравнивались к одному франку²⁰.

Важной статьей собственного вывоза Омана были финики. В Маскате их ежегодно продавали на сумму 90–120 тыс. долларов США, а в других портах Омана – еще на 40 тыс. долларов. Неплохой доход в казну приносила торговля солью, поступавшей в Оман с принадлежавших тогда Маскату «соляных полей» Ормуза. Хороший спрос имела сера. Ее добывали в шахтах Хумира, что в Южной Персии, находившихся в то время в управлении Маската²¹.

Основу жизнедеятельности Маската составляла торговля. Город традиционно являлся важным местом складирования товаров и обмена ими. В 1821 г. только в личном распоряжении правителя Омана насчитывалось пять военных кораблей, в том числе два фрегата: «Шах Аллум», с 50 орудиями на борту, и «Керолайн», оснащенный 40 пушками. Принадлежавший ему транспортный флот состоял из 6 большегрузных судов (2 *бугал* и 4 *батил*), совершавших в сопровождении боевых кораблей торговые экспедиции в Индию, на Мадагаскар и в земли Восточной Африки.

Полицейские функции в городах выполняли бедуины-наемники из нескольких племен, обитавших в приграничных районах страны.

Большая часть средств из казны расходовалась на содержание членов правящего семейства и конюшен правителя, а также на проведение карательных экспедиций против мятежных племен на суше и пиратов на море. Ежегодные доходы владыки Омана превышали его расходы примерно на сто тысяч долларов.

В собственности у него имелись обширные земельные угодья, пригодные для ведения сельского хозяйства, а также крупные стада верблюдов и другого домашнего скота. За сдачу земли в аренду он брал 1/10 часть с собиравшегося на ней урожая; в дела арендаторов не вмешивался. Немалый доход приносила торговля верблюдами. Процветала работоторговля. Невольников доставляли с Занзибара («охотники на рабов» свозили их туда со всей Африки).

Славился Оман своими ткачами, оружейниками и кондитерами. Знаменитые оманские плащи *аббас* пользовались повышенным спросом во всех племенах Прибрежной Аравии. Также, к слову, как и холодное оружие, порох и халва (в переводе с арабского языка слово «халва» значит «сладость»).

За время нахождения миссии Английской Ост-Индской компании в Маскате стороны обменялись протокольными визитами. Аудиенция англичан у правителя проходила на открытой веранде дворца, стоявшего на берегу бухты. Угощали гостей фруктами, аравийскими сладостями и кофе. В качестве памятного подарка британцы поднесли владыке Омана меч в дорогих ножнах.

Затем с ответным визитом на английский корабль пожаловал и сам правитель – на 10-ти весельной *самбуке*, в сопровождении *вазира* (министра) и племянника. Пробыл на судне около часа.

¹⁹ Там же. С. 9, 10.

²⁰ Там же. С. 9.

²¹ Там же. С. 16.

В Омане тогда свирепствовала холера, заканчивает свое повествование об этой стране Дж. Фрейзер, жертвами которой стали более 10 тыс. человек.

В 1824 г. в Омане побывал и рассказал о нем в своих книгах Джордж Кэппел (1799–1891), человек знатный и именитый, шестой граф Албемарл. Служил в Индии, занимал должность помощника генерал-губернатора индийских владений Британской империи. В 1823 г. подал в отставку и вернулся на родину. Во время пути посетил Оман, Персию Ирак и Россию. Познакомился с Маскатом, Исфаханом, Баку, Москвой и Санкт-Петербургом. В 1829 г. принимал участие в походе английской эскадры в Константинополь.

Улочки древнего Маската, где он провел несколько дней, Дж. Кэппел описал как невероятно узкие и довольно грязные, а жителей города – как людей приветливых и гостеприимных. Отметил, что зрение у многих из них из-за яркого солнца сильно к старости ухудшалось, и «1/10 населения была вообще слепа на один глаз».

Особо впечатлили его, судя по всему, ежедневные *маджлисы* (встречи) правителя в *диванийи* (специальном дворцовом помещении для собраний) с подданными. На них мог пожаловаться, пишет Дж. Кэппел, зная, что непременно будет принят и внимательно выслушан, любой человек, «даже голодранец»²².

Дабы не нарушить хронологию повествования об исследователях-портретистах Омана, расскажем и об американце М. Расченберgere, перу которого принадлежат увлекательные очерки о Маскате первой половины XIX столетия и о подвластных султанату землях в Африке. Состоя хирургом американской дипломатической миссии, направленной в 1832 г. в страны Азии президентом США Эндрю Джексонем, он посетил Маскат и Занзибар. Миссию возглавлял особый правительственный агент Эдмунд Робертс. С султаном Маската ему удалось заключить договор о торговле, и зафиксировать в нем размер таможенной пошлины на товары, завозимые американскими торговыми судами в порты Омана и его доминионов (договор вступил в силу 30.06.1834).

Делясь впечатлениями о Занзибаре, подвластном тогда Оману, куда миссия прибыла в сентябре 1835 г. на шхуне «Enterprise» по пути в Маскат, М. Расченбергер сообщает, что поскольку султан на острове отсутствовал, то принимал членов миссии его 16-летний сын, в сопровождении Хасана ибн Ибрахима, начальника военного флота султана. Затем принц нанес ответный визит главе американской миссии, а потом прислал и подарок – парусник, «доверху груженный финиками, с тремя откормленными овцами в придачу».

Первое, что бросилось в глаза, говорит М. Расченбергер, когда они сошли на берег, так это огромная деревянная клетка у здания таможни со 150 рабами. Торги невольниками там, свидетельствует он, проводились ежедневно. Как правило, по вечерам, после захода солнца. Ежегодно на Занзибар, как он узнал из беседы с таможенником, доставляли из Африки не менее семи тысяч рабов. За ввоз их на остров для последующей продажи работоторговцам взимали пошлину: от 50 центов до 4 долларов «за голову», в зависимости от «порта отгрузки раба». Некоторые жители Занзибара владели, по словам М. Расченберга, двумя тысячами невольников и более, по цене от 3 до 10 долларов «за голову»²³. Пять дней в неделю рабы трудились на своих хозяев, и два – на себя, возделывая выделенные им участки земли.

Весомое место в торговле на Занзибаре, также как в Маскате, принадлежало общине индусов из клана *банийан*, пишет М. Расченбергер. Занимались они тем же, чем и евреи в городах Йемена и в портах Южной Аравии, а именно: ростовщичеством и коммерцией. Давали под процент деньги в ссуду, владели торговыми лавками и меняльными конторами на рынке и складскими помещениями в порту. Насчитывалось их в ту пору на Занзибаре человек 350.

²² Kappel, George, Personal Narrative of a Journey from India to England, ... in the Year 1824, London, 1827, 2 vols, vol. I, p. 15, 18, 20.

²³ W.S.W. Ruschenberger M.D., A Voyage Round the World including Embassy to Muscut and Siam in 1835, 1836 and 1837, Philadelphia, 1838, p. 34.

Проживали на острове посменно, в течение 4–5 лет. На место отъезжавших сразу же прибывали другие представители этого клана. Кстати, когда Васко да Гама оказался в Индии, то вся торговля там, как он вспоминал, находилась в руках *баньянов*. Конкуренцию им составляли только купцы-южноаравийцы, главным образом из Омана.

Делясь впечатлениями о Занзибаре, М. Расченбергер рассказывает, что дворец султана маскатского, сооруженный из коралловых блоков, располагался вблизи небольшого форта, возведенного еще португальцами и оснащенного пушками тех лет. Стражники-африканцы, дежурившие при входе, были вооружены копьями, а гвардейцы-арабы, которые несли службу внутри дворца, – мечами, щитами и «кинжалами искусной работы». У многих из них рукоятки холодного оружия, сделанные из рогов диких животных, «украшали драгоценные камни».

Обратил внимание М. Расченбергер и на «подчеркнуто уважительное» отношение арабов-оманцев к Корану. Брели они Священную книгу только «чисто вымытыми и надушенными руками». «Прибегали к Корану за советом», когда нужно было принять решение по тому или иному важному для них вопросу. Писали *айаты* («стихи») из Корана на бумаге и, вложив записки со словами из Священного текста в кожаные мешочки, вешали их на двери своих жилищ в качестве амулетов-оберегов. Брели с собой такие амулеты, отправляясь на войну²⁴.

Неизгладимое впечатление, судя по всему, произвел на М. Расченбергера обычай арабов-оманцев, за поведением которых он наблюдал на Занзибаре, снимать при входе в жилище не головной убор, как это принято в Америке или в Европе, а обувь. Необычной показалась ему и «система судопроизводства» тамошнего. Вершили суд на острове так. Каждый вечер, перед заходом солнца, жители острова собирались у ворот форта, где в присутствии трех судей султан маскатский, если он находился на острове, разбирал жалобы своих подданных и выносил по ним решения.

Остров Занзибар, отмечает М. Расченбергер, богат источниками пресной воды. Повсюду там – продавцы бананов и кокосов. По традиции, сложившейся на Занзибаре, гостя, приглашенного в жилище островитянина, встречают у порога с кокосовым орехом в руках. Испив сок кокоса, гость входит в дом²⁵.

Очень понравилось М. Расченбергеру и другим членам миссии блюдо из крабов, поданное им во время обеда. Местные жители, замечает он, крабов между собой именовали «пиратами», так те, как они поясняли, «изгоняли рыб из щелей в подводных скалах и селились там сами». Когда в 1449 г. Васко да Гама останавливался на Занзибаре, то, по свидетельствам португальских хронистов, «взял на заметку» бойкую торговлю золотом на местном рынке, которое торговцы завозили на остров из Момбасы и Софалы. По этой причине на Занзибар часто наведывались иностранные негоцианты. В период с сентября 1832 г. по май 1834 г., согласно отчету американской миссии, остров посетило 40 торговых судов, в том числе 32 американских, 7 английских, одно французское и одно испанское²⁶.

Неизменными «постояльцами» удобных бухт острова М. Расченбергер называет *доу*, то есть крупнотоннажные океанские парусники арабов Аравии, водоизмещением до 400 тонн. Суда эти, говорит он, не изменившиеся, похоже, со времен Римской империи, встречались в Индийском океане повсюду.

Весомый вклад в исследование Омана внес лейтенант Английской Ост-Индской компании Джеймс Реймонд Уэллстед. Известно, что родился он в 1805 году. В 1828–1829 годах состоял секретарем сэра Чарльза Малкольма, суперинтенданта (управляющего) Бомбейского флота. В 1830 г. был назначен вторым лейтенантом на судно «*Palinurus*», занимавшееся в то время топографией Акабского залива и северной части Красного моря. В 1833 г. перешел в

²⁴ Там же. С. 41.

²⁵ Там же. С. 42.

²⁶ Там же. С. 47.

распоряжение капитана Стаффорда Хэйна, принявшего командование этим судном и получившего задание тщательно, насколько можно, изучить южные и юго-восточные земли Аравии, подвластные тогда Оману. В мае 1833 г. он впервые посетил Маскат. Провел там месяц. Сходил морем на Ормуз. В очередной раз появился в Маскате в ноябре 1835 г., имея задание проследовать оттуда вдоль всего Оманского побережья.

Покинув Маскат, побывал в Калхате и Суре, в *Билад бану бу 'али* и *Билад бану бу хасан*, то есть в *даирах* (местах обитания) этих племен, а также в Бидйа, Ибре, Низве и Джабаль-эль-Ахдар.

Возвратившись в Низву, намеревался добраться до Эль-Дир'ийи, столицы *ваххабитов* в Неджде. Однако осуществить задуманное им не смог, так как английский агент в Маскате наотрез отказался профинансировать данное путешествие. К сведению читателя, *ваххабиты* – это последователи религиозно-политического течения в исламе, возникшего в Аравии в середине XVIII века на основе учения Мухаммада ибн ал-Ваххаба, призывавшего к очищению ислама от поздних наслоений и нововведений и возврату к его первоначальной чистоте.

Подцепив в Низве лихорадку, горячку-трясучку в речи бедуинов, вынужден был возвратиться на побережье, в Эль-Сиб, некогда второй после Маската центр судостроения в Омане. Выздоровив, отправился через Барку, Мисану и Эль-Сувайк в Ибри, где видел «ужасные разрушения», учиненные *ваххабитами* во время их набегов на земли Омана. Пройдя через Сухар, побывал в Эль-Бурайми и на «Пиратском берегу».

В апреле 1837 г. возвратился в Маскат. Собирался предпринять еще одно путешествие по Оману. Но в очередной раз заразился лихорадкой. Будучи в бреду, выстрелил себе в рот. Остался жив, но пуля серьезно повредила верхнюю челюсть. Курс лечения проходил в Бомбее. Поправившись, вернулся на родину.

Полковник Сэмюэл Баррет Майлс, британский политический агент в Маскате, проработавший в Омане более десяти лет (1874–1885), автор одной из лучших, на взгляд автора этой книги, работ по истории и этнографии Омана, считал лейтенанта Джеймса Уэллстеда человеком, внесшим большой вклад в пополнение знаний европейцев об этой стране. Высоко отзывался о карте Омана, составленной лейтенантом. Говорил, что в то время она была наиболее точной и полной, и заслуживавшей доверия.

Путешествуя по Оману, Джеймс Уэллстед, помимо главной задачи, поставленной перед ним руководством Английской Ост-Индской компании, по подробному описанию побережья, с акцентом на прибрежные города-порты и гавани, увлеченно интересовался обычаями и традициями коренных жителей этой страны, племенами Омана и местами их расселения. Будучи одним из немногих европейцев, кому удалось проникнуть в земли Внутреннего Омана, он первым из них подготовил карту этого района и нанес на нее практически все его важные населенные пункты.

Направляя лейтенанта Уэллстеда с поручением исследовать Оманское побережье, руководство Ост-Индской компании имело целью воспользоваться собранной им информацией и определить лучшие места для создания на том побережье угольных станций для кораблей своей специальной эскадры по контролю за судоходством на торговых путях у Южной Аравии.

Задание, порученное ему, Джеймс Уэллстед выполнял во время правления в Омане *сейй-ида* Са'ида ибн Султана. Принял он офицера английского флота тепло. Посоветовал самый безопасный, на его взгляд, путь передвижения. В память о встрече подарил ему мечь с золотой рукояткой и чистокровного арабского жеребца неджской породы. Предоставил в его распоряжение нескольких бедуинов-проводников с верблюдами и двумя борзыми, и вручил рекомендательные письма, адресованные шейхам племен, по землям которых пролегал дальнейший путь исследователя, – с обращением к ним насчет оказания помощи и содействия «отважному и любознательному *инглизу*».

Джеймс Уэллстед, вспоминая о своих встречах и беседах с *сеййидом* Са'идом, называл его «образцом цивилизованного восточного правителя». Отмечал повышенное внимание и заботу *сеййида* Са'ида по отношению ко всем селившимся в Маскате торговцам.

Рассказывая о самом Маскате, величал его городом многоконфессиональным, где жили, бок о бок, арабы и персы, индусы и курды, афганцы и белуджи, представители многих культур и конфессий, где все они, мусульмане и евреи, индуисты и христиане, имели свои мечети, синагоги и храмы. Упомянув Уэллстед, повествуя о «земле оманской», и о том, что в 1828 г. *сеййид* Са'ид предоставил убежище большой группе евреев, бежавших в Оман от притеснений и гонений Дауда-паши в Ираке.

Делясь впечатлениями о проживавших в Маскате «иноземных коммунах», писал, что афганцы вели замкнутый образ жизни, и держались в стороне от других. Белуджи, напротив, легко сходились со всеми, и пользовались уважением среди оманцев; служили наемниками в гвардии *сеййида* Са'ида. Персы занимались в основном торговлей: продавали на рынках ткани в кусках, кофе, кальяны и розовую воду. Имелись среди них и искусные кузнецы-оружейники, ковавшие мечи и изготавливавшие фитильные замки для ружей. Брачные союзы между собой, замечает Уэллстед, персы и арабы заключали крайне редко, а вот белуджи, напротив, брали арабок в жены часто. Коммуна индусов являлась в Маскате самой многочисленной. Их там жительствоваало больше, чем где-либо еще в Аравии. Им разрешалось сжигать мертвых и исполнять другие обряды. Что касается евреев, то, в отличие от Египта, скажем, или Сирии, или соседнего с Оманом Йемена, никаких отличительных знаков на одеждах они не носили. Не должны были селиться в отдельных кварталах в городах, как в Йемене, и уступать мусульманам дорогу на улицах, уходя влево, как в Персии и в других землях в Аравии. В Маскате евреи занимались ювелирным делом, обменом денег и предоставлением ссуд торговцам, а также изготовлением хмельных напитков, которые сбывали втихую матросам заходивших в порт иностранных кораблей.

Такое же большое, как в Маскате, количество чужеземных общин и коммун, наличествовало, по словам Уэллстеда, еще только в двух местах в Омане – в Сухаре и Суре.

Жители Внутреннего Омана, рассказывает Джеймс Уэллстед, кочевники-бедуины и горожане, контрастно отличались друг от друга. Бедуины были людьми энергичными и жизнерадостными. Передвигались по городам, когда навещали рынки тамошние, вооруженными, с головы до ног. К въезным воротам, у которых оставляли своих верблюдов, приближались, восседая на них, гордо и величаво, непременно скрестив ноги. Именуя себя арабами истинными, свято чтити честь и достоинство их рода и племени, свою первородную, как сказывали, чистоту. Особенно, если история племени уходила корнями в седое прошлое, и рождением своим племя обязано было «арабам чистым», потомкам Кахтана, внука Сима, одного из сыновей Ноя. Оседлое население, жителей городов и поселений, называли «узниками стен», людьми несвободными.

Джеймс Уэллстед восхищался выносливостью бедуинов, которые в этом отношении, как он говорил, были сродни их верблюдам. В легких кожаных сандалиях, лишь частью предохранявших их голые ноги от раскаленного песка, они весь день спокойно могли брести по пустыне под жгучим аравийским солнцем, слепящим и валящим с ног европейца. А вечером, усевшись вокруг костра, и, потчюя себя финиками с кофе, радоваться тому, что даровал им Господь – остывшим, наконец песком, да легким дуновением свежего ветра.

С детства, делится своими наблюдениями Уэллстед, бедуины Аравии приучены к тому, чтобы подавлять в себе проявление любых эмоций, и терпеливо, со словами «Аллах велик!» на устах, преодолевать все тяготы и невзгоды жизни. Их отличает благородство и честь, мужество и отвага, гостеприимство и отзывчивость по отношению к соплеменникам. Но вот обид и оскорблений, нанесенных им, они не прощают, никогда и никому. И не успокаиваются до тех пор, пока не отомстят за них. Внимательны к детям. Терпеливо и с раннего возраста обучают

их «урокам жизни». Ребятишки постигают передаваемые в племенах из поколения в поколение «правила достойной жизни» как в разговорах с отцами, так и во время традиционных для арабов Аравии *маджалисов*, мужских вечерних посиделок за чашечкой кофе с кальяном.

Высоко отзывался Уэллстед о гостеприимстве оманцев. Вспоминал, что во время пребывания в племени *бану абу 'али*, которое некогда находилось в состоянии войны с англичанами, принимали его даже там тепло и радушно. Установили для него шатер. Забили овцу, и досыта накормили. А потом поочередно, один за другим, навещивались в шатер с кувшинами и поили его молоком, верблюжьим и козьим. Когда же он покидал племя, то провожали его, до самых границ становища, буквально все, кто там в то время был, и стар и млад, и мужчины и женщины.

Самым негостеприимным местом в Омане Уэллстед считал город Ибри, неподконтрольный тогда *сеййиду* Са'иду. Даже проживавшие по соседству с Ибри арабы и те, по словам Уэллстеда, сказывали ему, что, отправляясь туда, надо было быть либо вооруженным до зубов и максимально осторожным, либо притворившись нищим.

Через Ибри, город крепостей и фортов в речи историков, пролегали когда-то оживленные караванные пути, связывавшие разные части Аравийского полуострова.

Неизгладимое, судя по всему, впечатление произвело на Джеймса Уэллстеда и пребывание в племени *бану абу хасан*. Мужчины этого племени, сообщает он, с подчеркнутым вниманием относились к своим волосам. С рождения и до смерти ни разу их не стригли, и они отрастали у них до пояса. Во время передвижений по пустыне, располагаясь на ночлег под открытым небом, непременно лицом к звездам, вещи свои складывали в вырытую ими ямку. Засыпав ее, и расстелив сверху плащ-накидку, спокойно засыпали. При этом щит клали под голову, а меч и фитильное ружье – по бокам, чтобы в случае возникновения опасности можно было сразу же воспользоваться оружием.

Путешествуя по району Джабаль-эль-Ахдар, Джеймс Уэллстед видел, как местные жители «доставляли себе удовольствие вином». Изготавливали его, и в большом количестве, из произраставшего там винограда. В оправдание говорили, что так поступали и их предки, борясь с «холодом гор».

Продолжая повествование о запретных для мусульман хмельных напитках, Уэллстед упоминает о том, как, будучи в Низве, хозяин жилища, где он останавливался на ночлег, потчевал своего гостя непонятно откуда взявшимся у него бренди; и сам пил его вместе с ним без стеснения. Крепкие хмельные напитки, пишет Уэллстед, попадали в земли Внутреннего Омана из Маската, куда их, в свою очередь, завозили контрабандой, и в большом количестве, на судах из Индии. Рассказывает, что в тех городах Омана, в окрестностях которых произрастал сахарный тростник, оманцы гнали из его отходов довольно посредственный ром, но и он находил сбыт.

Ведя речь об оманских женщинах, Уэллстед замечает, что лиц своих, за исключением жительниц Маската, они в большинстве своем не скрывали. Что же касается Маската, то и там носили черные тонкие вуали, закрывавшие лишь нижнюю часть лица. Маски (*бурги*) и чадры, как в соседнем, к примеру, Хадрамауте, не надевали. В целом отзывется о женщинах Омана как о созданиях стройных, рослых и хорошо сложенных. С восхищением говорит о бедуинках, с большими, как он их рисует, сверкающими и живыми глазами, орлиными носами, ртами правильной формы и белоснежно-жемчужными зубами. Называет бедуинок Омана красивейшими из женщин Южной Аравии. В обычае у них, пишет он, было украшать части тела, кисти рук и стопни ног рисунками хной.

Женщины в Омане, свидетельствует Уэллстед, принимали активное участие в жизни их семейно-родовых и родоплеменных кланов, а во времена межплеменных розней и войн проявляли завидные мужество и отвагу. Наравне с мужчинами участвовали в защите своих земель, в обороне фортов и крепостей. Приводит, в связи с этим, интересные сведения об упоминав-

шемся уже нами выше племени *бану бу 'али*, которым в отсутствие вождя управляла его жена и сестра.

Отмечает, что бедуинки-оманки проявляли нескрываемое любопытство по отношению к странникам-чужеземцам, торговцам и путешественникам. Так, находясь в Ибри, в гостях у одного из тамошних шейхов, и возвратившись после встречи с ним в свой шатер, он неожиданно обнаружил, что в нем – полным-полно любознательных женщин. Все сундуки с его личными вещами они пооткрывали и тщательно, по его выражению, исследовали. Были увлечены настолько, что когда он попытался сказать им что-то, то несколько женщин подошли к нему и прикрыли его рот руками, дабы помолчал гость и не мешал им знакомиться с мужскими аксессуарами европейца. Ближе к вечеру «дамы» удалились, но тут же их место заняли старейшины племени и сопровождавшие их молодые люди, буквально засыпавшие его вопросами.

Наблюдая за торговыми сделками на рынках Омана, Уэллстед взял на заметку «один интересный восточный обычай», как он его называет, который часто пускали в ход торговцы-оманцы в переговорах с купцами-иноземцами, а именно: ведение двух-трехчасовых ценовых схваток. Выстоять в них мог только хорошо натренированный в этом деле хитрый и лукавый араб, заключает Уэллстед.

В землях Аш-Шамал (нынешние ОАЭ), где также побывал лейтенант Уэллстед, первым приютило его у себя племя *бану абу амр*. Несмотря на то, что и оно в свое время пострадало от действий англичан (вследствие предпринятой ими карательной экспедиции против племен *кавасим*), встретили там чужеземца приветливо. Немалую роль в этом сыграло то, что на руках у него имелось рекомендательное письмо правителя Омана. Надо сказать, что и сам Уэллстед умел находить общий язык с арабами Аравии. Искренне интересовался их обычаями, что, конечно же, не могло остаться ими незамеченным. Для гостя разбили шатер. Даже поставили почетный караул у входа, а вечером устроили *дийафу*, то есть празднество (высший у бедуинов знак внимания к чужеземцу). Неизгладимое, судя по всему, впечатление произвел на лейтенанта мужской военный танец – с «подбрасыванием в воздух обоюдоострых мечей, длиной не менее трех футов» (около 92 см.).

Сопроводив Уэллстеда до границ своих земель, начальник почетного эскорта из племени *бану абу амр* передал его под опеку бедуинов из племени *бану джанаба*. Воинов в нем насчитывалось, по оценке лейтенанта, не менее 3500 человек. Состояло оно из двух крупных родоплеменных кланов, один из которых занимался рыболовством, а другой – сопровождением торговых караванов. Кланов эти, что абсолютно не характерно для крепко спаянных внутри себя аравийских племен, друг с другом практически не общались. «Сыны пустыни», то есть бедуины-кочевники, «людей, живших морем», сторонились. Браков между собой не заключали. Совместных *маджалисов* (встреч) и гуляний не устраивали. Объединялись и сливались воедино лишь тогда, когда надо было противостоять нависавшей над ними угрозе со стороны тех или иных несоюзных с ними племен.

Владения Омана, рассказывает лейтенант Уэллстед простирались тогда вдоль побережья от Дофара до нынешнего эмирата Абу-Даби. Коренное население страны представляли два крупных межплеменных союза – *гафири* и *хинави*.

Побывал Джеймс Уэллстед и в оазисе Эль-Бурайми, где располагался в то время форпост *ваххабитов*. Исследовал и описал Хисн-эль-Гураб (Воронье гнездо), крупный некогда торговый центр Оманского побережья. В 1835 г. в одном из городов Омана столкнулся на улице с лейтенантом Уайтлаком, еще одной яркой личностью из списка исследователей земель Южной Аравии.

Крупным открытием, сделанным лейтенантом Уэллстедом в Южной Аравии, стали обнаруженные им в соседних с Оманом землях Хадрамаута, принадлежащих Йемену, развалины древнего замка (Накаб-эль-Хаджр). Камни в окружавшей его мощной защитной стене с двумя сторожевыми башнями были уложены так плотно, что между ними не проходило даже лезвие

ножа. Так вот, на стенах этого руинированного замка он увидел и скопировал старинные письмены. Буквы неизвестного ему алфавита (*химйаритского*, как потом выяснилось), величиной в 8 инчей (20 см), позволили ему воспроизвести их с абсолютной точностью²⁷.

Весомый вклад в описание земель Омана внесли экспедиции английского брига «Palinurus», исследовавшего в 1833–1846 гг. южное и юго-восточное побережья Аравии. Одним из участников этих экспедиций был капитан Стаффорд Хэйнс, назначенный впоследствии первым политическим агентом Англии в колонизованном британцами Адене (проработал на этой должности 15 лет, с 1839 по 1854 гг.).

В своих заметках о Южной Аравии капитан Хэйнс рассказал, в частности, о Дофаре, крае плодородном и богатом, издревле известном торговлей благовониями. О мужчинах Дофара он отзывается как о людях невероятно смелых и отважных, умевших обращаться с оружием и хорошо подготовленных для схваток с противником на мечах и кинжалах. Пишет, что внешне они привлекательны и хорошо сложены, а женщины их – стройны и красивы. Отмечает, что, в отличие от жителей гор, обитатели долин в Дофаре робки и боязливы, и заядлые курильщики.

Упомянул он и об острове Халланийя, единственном в его время обитаемом острове группы островов Куриа-Муриа (Джузур Хурийя Мурийя). О жителях тамошних С. Хэйнс сообщает, что были они мирными и безобидными, и очень бедными. Многие из них называли себя слугами пророка (*наби*) Салиха ибн Худа, и жили за счет подаяний гостей порта, торговцев и мореходов²⁸. Согласно сказаниям, далекие предки этих людей поселились на островах Куриа-Муриа в незапамятные времена. Перебрались туда из Хадрамаута, куда пришли вместе с пророком Худой, которого Господь посылал к *'адитам*, «арабам первородным» или «арабам утерянным», автохтонам Аравии, дабы наставить их на путь истинный. Те из них, кто внял проповедям пророка Худа и уверовал в Бога Единого, спаслись. Все другие погибли. Истребил их, говорится в Коране, ураган страшный и «крик ужасный, коим Бог разразился с небес».

К сведению читателя, капитан Стаффорд Хэйнс, став губернатором Адена, сделал немало, чтобы превратить этот древний город на морском пути в Индию в хорошо укрепленный военно-сторожевой пост Британской империи в Южной Аравии. Особо преуспел, на что обращает внимание Гордон Вотерфилд в своей увлекательной книге «Султаны Адена», в налаживании широкой сети агентов-осведомителей. Использовал в этих целях еврейские коммуны, разбросанные по всей территории Йемена и портам соседнего с ним Омана. Личный интерес многих из этих агентов, сообщавшим своим соотечественникам в Аден, на непонятном арабам иврите, обо всем, что происходило в местах их проживания, заключался в гарантированной им Хэйнсом защите их собственности, которую они приобретали в Адене.

За те годы, что он управлял Аденом, город сделался местом бойкой морской торговли. Будучи, однако, морским офицером, а не градоначальником, и не имея влиятельных друзей в английской администрации в Индии, Хэйнс регулярно выслушивал обвинения в свой адрес в расточительстве и небрежности. Чиновники в Бомбее, взирали на Аден, как на некое «бремя», ежемесячно обходившееся казне в 150 тыс. фунтов стерлингов. И хотя деньги эти шли в основном на содержание базировавшегося в Адене военного гарнизона, вопросов к Хэйнсу с их стороны имелось немало. Когда же очередная проверка финансов Адена выявила нехватку средств в размере 28 198 фунтов стерлингов, то Хэйнса отозвали в Бомбей, отдали под суд и посадили в тюрьму. Провел он в ней долгие шесть лет. Позже выяснилось, что деньги были потрачены на приобретение лояльности шейхов племен, дабы они не препятствовали караванной торговле Адена с Йеменом, Хадрамаутом и Дофаром. По распоряжению

²⁷ Bayard Taylor, *Travels in Arabia*, New York, 1892, p. 40-42, 55; James Raymond Wellsted, *Narrative of a Journey into the Interior of Oman in 1835*, *Journal of the Royal Geographical Society*, 7 (1837), p. 102-113; *James Raymond Wellsted, Travels in Arabia*, London, 1838, vol. I, p. 7, 12-19, 21, 22, 33, 52, 53, 59, 63, 101, 105, 110, 111, 120, 143, 144, 338, 344, 351-354.

²⁸ *Stafford Bettesworth Haines, Memoir of the South and East Coast of Arabia*, *Journal of the Royal Geographical Society*, 15 (1845), p. 117, 120, 130, 134, 135.

нового генерал-губернатора Бомбея Стаффорда Хэйнса освободили. Вышел он на свободу 9 июня 1860 г. Подхватил дизентерию, и умер (16.06.1860), в возрасте 58 лет, на боту торгового английского судна, стоявшего на рейде в порту Бомбея и готовившегося к отплытию в Англию. Похоронили С. Хэйнса в Бомбее. На надгробной плите, пишет Горден Вотерфилд, указаны только имя и дата смерти. Но истинным «мемориалом» С. Хэйнса стало его наследие в Адене²⁹.

Оставили воспоминания об Омани и три других участника английских экспедиций к берегам Южной Аравии на бриге «Palinurus» – топографы Чарльз Краттенден и Чарльз Коул, и хирург Генри Джон Картер.

Первый из них, Краттенден, во время стоянки судна в Мирбате, старинной столице Омана, известной в IX в. своим рынком лошадей, благовоний и невольников, проследовал в сопровождении двух бедуинов из племени *бану кара* в район Дхариз, что в провинции Салала. Познакомившись с жизнью и бытом жителей того края, был весьма удивлен и тронут их гостеприимством. Ибо до поездки туда слышал о них много дурного. На деле же все оказалось иначе. Выяснилось, что те слухи, что гуляли о них, в том числе о враждебном отношении к чужеземцам, они распускали сами – в целях самозащиты. В поселении Сагха, рассказывает Краттенден, местный вождь поселил его в своем жилище. Предложил сытный и вкусный обед, состоявший из вареной баранины и риса, и напоил кофе с финиками и медом³⁰.

Лейтенант Коул прошел в 1845 г. от Эль-Ашхары (небольшой городок в провинции Эль-Шаркийя) до Маската. Побывал в Эль-Бидийа, Манахе, Низве, Джабаль-эль-Ахдаре и Сумале. Путешествовал инкогнито, выдавая себя за араба Салима. В Джалане чуть было не задохнулся, поперхнувшись молоком, которым его угостил хозяин дома, где он остановился на ночлег. Многие оманцы, свидетельствует Коул, владели тогда рабами, но относились к ним по-доброму. Жители Джабаль-эль-Ахдара употребляли с пищей изготавливаемое ими виноградное вино.

По пути из Низвы в Маскат лейтенант провел ночь в *бараста* (хижине из пальмовых ветвей), располагавшейся в окрестностях села Митти. В большинстве населенных пунктов Омана, замечает он, имелись в то время специальные, отдельно стоявшие, строения для путников, где те могли бы останавливаться на отдых³¹.

Генри Джон Картер, находясь в Дофаре, внимательно осмотрел руины городища Эль-Билад. И пришел к выводу, что город этот был построен не дофарцами, а кем-то из более развитых цивилизаций Древней Аравии. Возможно даже – сабейцами, на что указывали сохранившиеся в Эль-Биладе статуи³².

Интересные заметки о Хадрамауте и Дофаре, а также о некоторых городах-портах на Оманском побережье принадлежат перу Адольфа фон Вреде, баварского барона-путешественника. В 1843 г. он на *самбуке*, аравийском паруснике, добрался из Адена до Эль-Мукаллы, небольшого тогда портового городка на территории нынешнего Йемена. Голове тамошнему во время аудиенции заявил, что цель его приезда – побывать в Хадрамауте и поклониться могиле пророка Худа, пытавшегося по воле Творца и Господина миров вернуть *'адитов*, «арабов утерянных», автохтонов Аравии, на путь истинный – убедить их поверить в Бога Единого. Узнал же он о пророке Худе, чудесах его, и уверовал в силу, дарованную ему Господом, находясь на службе в Египте, где выучил и арабский язык. Когда же заразился там чумой, то

²⁹ Gordon Waterfield, *Sultans of Aden*, London, 1968, p. 205, 209, 240; Сенченко И. П. Йемен. Земля ушедших в легенды именитых царств и народов Древнего мира. СПб, 2019. С. 315-336.

³⁰ Charles J. Cruttenden, *Journal of an Excursion from Morbat to Dyreez, the principal town of Dofar, Transections of the Bombay Geographical Society*, 1, p. 185, 186.

³¹ C.S.D. Cole, *An Account of an Overland Journey from Leskkairee to Muscat and the "Green Mountain" of Oman*, *Transections of the Bombay Geographical Society*, 8 (1847-1848), p. 106-119.

³² Henry John Carter. *The Ruins of El Balad*, *Journal of the Geographical Society*, 16 (1846), p. 187-199.

воззвал к пророку Худе о помощи, и дал обет совершить – в случае исцеления – паломничество в земли *'адитов* и поклониться праху пророка на его могиле.

Во время ужина в доме губернатора Эль-Мукаллы, вспоминал фон Вреде, он едва не рассмеялся, когда мясной бульон ему подали в «емкости», предназначенной в Европе совсем для иных целей, – в ночном горшке внушительных размеров, разрисованном синими цветочками. Слуга, обслуживавший фон Вреде, поведал, что «сосуд» этот, считавшийся в жилище губернатора «украшением стола», один из местных торговцев получил в подарок от капитана английского судна, занимавшегося доставкой его товаров из Индии. И тот, в свою очередь, передал горшок этот губернатору³³.

Жители Дофара и Хадрамаута, как следует из заметок фон Вреде, «питали отвращение» к мужчинам с рыжими волосами. Причиной тому – легенды седой старины. В них говорится о том, что когда Творец послал к народу *самуд*, одному из колен «арабов первичных», пророка Салиха, дабы наставил он *самудитов*, погрязших в пороках, на путь праведный, то потребовали они от него чуда – в знак подтверждения всемогущества Бога, от имени которого он к ним обращался. И тогда пророк Салих проследовал с ними к скале, «раскрыл ее и вывел оттуда верблюдицу, тут же разродившуюся верблюжонком». Совершив то, о чем просили его *самудиты*, пророк Салих предостерег их, чтобы не причиняли они вреда той верблюдице с ее верблюжонком, ибо постигнет их тогда кара небесная, и обрекут они себя на погибель.

Несмотря на его предупреждение, один из них, некто Кедар, по прозвищу Ахмар (Рыжий), стрелой из лука все же убил верблюдицу. И *самудитов* не стало. Сделались они «народом утерянным». Были погублены Богом заслушание. С тех пор и повелось в Хадрамауте и Дофаре, а потом и повсюду в Аравии, считать всякого рыжеволосого – человеком, сулящим несчастье. «Злополучный, как рыжий Кедар», – скажет и сегодня оманец по адресу мужчины, приносящему своему роду и племени одни неприятности, напасти и невзгоды³⁴.

Оставив Эль-Мукаллу, фон Вреде проследовал через Дофар в Хадрамаут, к гробнице пророка Худа. Когда до заветной цели оставалось всего лишь несколько часов пути, дорогу ему преградили бедуины, и заставили повернуть назад.

Бывал он и в землях Аш-Шамал, подвластных тогда Омани. Посетил *даиру* (места обитания) крупного племенного объединения *бану йас*, то есть территорию нынешнего эмирата Абу-Даби (ОАЭ).

По пути из Омана в Аден, в городке Сифа, что на Оманском побережье, будучи заподозренным в выполнении тайной миссии по сбору сведений о тамошних фортах и племенах, едва не лишился жизни. Оказался в тюрьме. Смог выбраться; за деньги, конечно. Путевые заметки, изъятые у него при обыске, бесследно исчезли. Чудом удалось сохранить, спрятав на теле, список химйаритских царей, полученный от одного из «просвещенных шейхов», а также надписи, скопированные им во время путешествия по Южной Аравии «с одной из царских гробниц».

Возвратившись в Аден, фон Вреде подготовил обстоятельную записку о своих похождениях в Аравии. Столкнувшись в порту Адена с известным уже читателю капитаном Стаффордом Хэйнсом, попросил его передать все эти материалы в Королевское Географическое Общество в Бомбее, что тот и сделал. Более того, лично выступил с докладом на заседании этого общества от имени фон Вреде. Изложил и собранные им самим сведения об Аравии.

Известно, что фон Вреде, завербовавшись в турецкую армию, хаживал с ней в Асир (Йемен) и Джидду. Оставив службу, перебрался в Константинополь, где прожил последние годы жизни в бедности и нищете, и умер на больничной койке.

Фон Вреде был первым из европейцев, кто описал «песчаные топи» Большого Нефуда, то есть самые вязкие и непроходимые места в этой пустыне. Бедуины Аравии величают их «цар-

³³ Аравия. Материалы по истории открытия. М., 1981. С. 195.

³⁴ Сенченко И. П. Аравия. Фрески истории. СПб, 2016. С. 41, 42.

ством духов-хранителей пустыни», местом – «запретном для всего живого», и для людей, и для животных. Одна из таких «топей» – Море Сафи. Легенды гласят, что жил когда-то царь Сафи, воинственный и отважный. И задумал он пройти великую аравийскую пустыню, и неожиданно напасть на врагов оттуда, откуда его никто не ждал – со стороны «песчаных топей». Но как только ступил он во владения духов и потревожил их, белые пески тотчас же разверзлись и заволокли в недра свои и самого царя, и его войско³⁵.

В 1850 г. во время хождений по делам служебным в Персию и на Цейлон в Маскате оставался известный английский путешественник-арабист Роберт Биннинг (1814–1891). Он состоял в штате администрации Ост-Индской компании в Мадрасе. В 1845–1852 гг. посетил Сирию, Египет, Палестину, Цейлон, Персию, Оман и Персидский залив. Внес заметный вклад в ориенталистику. Собрал уникальную коллекцию из 140 древних арабских манускриптов (в 1877 г. подарил ее институту в Эдинбурге).

Повествуя об Омани времен *сеййида* Са'ида ибн Султана из династии Аль Бу Са'ид, отмечал все еще сохранявшуюся тогда в стране «патриархальную», как он ее называет, систему правления. Народ Омана, по его словам, владыку своего любил и ценил, а правители и жители земель соседних его уважали и дружбой с ним дорожили.

О Маскате, городе с кривыми и узкими, и далеко не чистыми улочками, Роберт Биннинг отзывается, как об одном из самых жарких мест, где ему довелось побывать. Находясь в Маскате, он, судя по всему, был крайне удивлен тем, что британским агентом там служил еврей, к которому местные арабы относились, тем не менее, почтительно³⁶.

В 1856 г. Оман посетил Чарльз Расбоун Лоу (1837–1918), офицер английского флота, историк и писатель, автор около десятка книг. Находясь в Маскате, встречался и беседовал с *сеййидом* Са'идом ибн Султаном, правителем этой страны, перенесшим столицу своих владений на Занзибар. Был он уже тогда в преклонном возрасте, но, как и прежде, оставался человеком здравомыслящим и прозорливым. Все с тем же повышенным вниманием относился к развитию торговых связей Омана с внешним миром и к наращиванию оманского флота, торгового и военного.

Упомянув в своих путевых заметках о Маскате, Чарльз Лоу писал, что, если смотреть на город с борта судна, при входе в гавань, то выглядит он довольно привлекательным. Но мнение о нем резко меняется, когда сходишь на берег и оказываешься на улочках Маската, запущенных и убогих.

Что касается арабов Омана, сказывал он, то они представляли собой расу, в которой переплелись в тугой узел добро и зло, правда и ложь, первородная чистота людская и наносные пороки – коварство, вероломство и мошенничество. Оманцев, делится своим мнением о них Чарльз Лоу, отличала «звериная отвага», ненависть и жестокость по отношению к врагам³⁷.

В том же 1856 г. в Омани побывал Уильям Эштон Шеферд, оставивший заметки о Маскате, его улочках и рынке. Сойдя на берег, путешественник, по его словам, обнаружил абсолютно голый от зелени город; зелеными там были только тюрбаны местных жителей, да редко встречавшиеся того цвета одежды. Проследовав через узкие ворота, он оказался на тесном, переполненном людьми рынке, рассказывает Шеферд. У входов в лавки, скрестив ноги и покуривая кальяны, восседали на разостланных ковриках торговцы. В наиболее бойких местах рынка «сидели на корточках, крепко сжимая в руках мушкеты», солдаты-белуджи, служившие наемниками у султана. Повсюду сновали «босоногие женщины с закрытыми лицами», да черные, как «эбеновое дерево», рабы, безбоязненно толкавшие встречавшихся им на пути европейцев локтями, зная, что им за это ничего не будет. Бегали и галдели звонкоголосые

³⁵ Сенченко И. П. Арабы Аравии. Очерки по истории, этнографии и культуре. СПб, 2015. С. 52–54.

³⁶ Robbert Binning, A Journal of Two Years Travel in Persia, Ceylon, Etc., 2 vols, London, 1857, p. 123-129.

³⁷ Charles Rathbone Low. The Land of the Sun, London, 1870, p. 178-203.

мальчишки в лохмотьях, останавливаясь и тыча пальцами в попадавших им на глаза неарабов-чужеземцев. На тесных и грязных улочках, шедших к рынку, то и дело попадались собаки и кошки, куры и овцы, отбросы и нечистоты³⁸.

Одно из нашумевших в свое время повествований об Аравии вообще и об Омане в частности принадлежит Уильяму Джисффорду Пэлгреву (1826–1888). Экспедицию в Аравию (1862–1863), выдавая себя за врача, он предпринял при финансовой поддержке Наполеона III (1808–1873), племянника Наполеона I.

В увлекательном рассказе о путешествии по Центральной и Восточной Аравии Пэлгрев поведал о своем пребывании в Хаиле и Эр-Рияде. Написал яркий портрет повседневной жизни населения оазисных городов Неджда (Наджда). Поделится впечатлениями о посещении им Катара и Бахрейна, шейхства Шарджа на «Побережье пиратов», а также Ормуза, Сохара (Сухара) и Маската.

Шарджу, входящую в наши дни в состав Объединенных Арабских Эмиратов, и Ормуз путешественник посетил по пути из Катара в Оман. Утром 16 февраля 1863 г., сообщает он, перед его глазами предстал «Оманский берег». Судно проследовало в гавань Шарджи. Одежда местных жителей состояла из «широкой, спускающейся до колен, иногда окаймленной бахромой, белой простыни, обернутой вокруг поясицы, и светлого тюрбана или цветного индийского платка, повязанного вокруг головы».

Владелец жилища, в котором остановился путешественник, местный житель 'Аббас, занимался «торговлей овощами». Дом его, из «дерева и соломы», обустроен был в целом неплохо, а те недостатки, что в нем имелись, «сглаживались гостеприимством хозяина, доходившим до расточительности».

Все то время, что он находился в Шардже, путешественник, по его словам, «проводил в визитах, обедах и ужинах». Казалось, что жители Шарджи, пишет Пэлгрев, у которых он бывал в гостях, старались доказать на деле справедливость тех слов и отзывов о шарджийцах, что он слышал повсюду в Аравии, как о людях общительных и гостеприимных.

Обратил внимание Пэлгрев и на то, что пищу, которой его угощали в Шардже, ставили перед ним «не сваленной в кучу» на одном огромном медном подносе, как в Неджде, а каждое блюдо подавали отдельно.

20 февраля, сообщает Пэлгрев, их судно покинуло Шарджу и взяло курс на Ормуз. Легендарный и «знатный некогда своей торговлей» Ормуз, «бриллиант на золотом кольце мира», как о нем отзывались купцы и негоданты во всех концах света, представлял собой груды развалин, живописную мозаику из остатков некогда красивых домов, бань и храмов. Мощные фортификационные сооружения Ормуза, хорошо укрепленные во времена владычества в зоне Персидского залива португальцев, были порушены. Неподалеку от рунированного форта, «в сотне или более жалких землянок», ютились местные жители, рыбаки и пастухи. Знаменитый в прошлом городской рынок являл собой жалкое зрелище. На нем имелся всего лишь один навес, укрывшись под которым, несколько человек торговали финиками, виноградом и табаком. Вот и все, что осталось от Ормуза, одного из ключевых в прошлом центров торговли Востока, заключает Пэлгрев.

Проведя три дня на Ормузе и переждав там шторм, путешественник проследовал на судне к побережью Омана. 3 марта 1863 г. прибыл в Сохар (Сухар). Намеревался двигаться оттуда с торговым караваном в Маскат. Но его убедили идти морем. И когда Маскат был уже виден невооруженным глазом, говорит он, неожиданно налетела буря. Волны опрокинули корабль, и он затонул. Погибли пять пассажиров и один матрос – «ушли на дно вместе с судном». Пэлгрев спасся. Но вот багаж его, с дневниками и путевыми заметками, не сохранился.

³⁸ *William Ashton Shepherd, From Bombay to Bushir, and Bassora, Including an Account of the Present State of Persia, and Notes of the Persian War, London, 1857, p. 43-58.*

Уцелевшие пассажиры и члены экипажа, всего 12 человек, двигаясь вдоль побережья, вышли к резиденции правителя, *сеййида* Сувайни ибн Са'ида. Встречу с ним, проходившую в этой самой резиденции в Матрахе, Пэлгрев описывает так. Одет *сеййид* Сувайни «был хорошо, даже роскошно» – в длинную до пят белую рубаху, расшитую цветными узорами. Голову его венчала «белая кашмирская чалма, украшенная бриллиантами». За поясом красовался великолепный кривой кинжал, *ханджар*, в богатых ножнах, расшитых золотыми нитями и богато украшенных драгоценными камнями. Сложения владыка Омана был крепкого; «красив лицом», приветлив и остроумен. «Добродушие и любовь его к наслаждениям», замечает Пэлгрев, проявлялись во всем – в манерах, в речи и в поведении. Рядом с ним во время той памятной аудиенции находился «темнолицый мальчик, сын султана от аббисинки-наложницы».

Повествуя об Омани, где он оставлся до 23 марта, Пэлгрев отмечает, в частности, что женщины там были «более открытыми», как он выражается, чем в Неджде, скажем, или на Бахрейне. Свободно покидали дома, и, не стесняясь, разговаривали с иноземцами. В общем, нисколько не походили на женщин Неджда, того же Хаиля и Эр-Рияда, «запуганных и безмолвных».

Рассказывая о женщинах тех мест в Аравии, где ему довелось побывать, Пэлгрев оценивает их по своей, выстроенной им на основе собственных наблюдений, многоступенчатой шкале аравийской красоты, как он ее называет. Красивыми и стройными в его описании предстают уроженки Эль-Хасы и Омана.

Будучи в Сухаре (Сохаре), Матрахе и Маскате, Пэлгрев в беседах с чиновниками и торговцами тамошними, дабы оградить себя от подозрений всяческих, говорил, что главная цель его пребывания в Омани – это «отыскание чудодейственных трав и снодобий лекарственных», о которых сказывали ему купцы французские, хаживавшие в земли Омана.

Находясь в Аравии, Пэлгрев, как считают некоторые историки, выполнял одновременно и поручение Папы Римского, как миссионер римско-католической церкви (известно, что он был тесно связан с орденом иезуитов), и специальное задание Наполеона III, как офицер-разведчик. Представляется, что такие предположения не лишены оснований. Ко времени начала экспедиции Пэлгрева (1862), когда стало известно о строительстве Суэцкого канала, интерес Франции к Аравии, особенно к Маскату, заметно усилился. Думается, что, финансируя поездку Пэлгрева в Аравию, император Франции имел целью из первых рук получить информацию о внутривосточной ситуации в Хиджазе и Неджде, равно как и о расквартированных там военных силах турок, и о влиянии *ваххабитов*. Интересовали его и достоверные сведения о семейно-родовых кланах, правивших в шейхствах Аравии, в том числе и в Омани, и о деятельности крупных государств мира в бассейнах Персидского залива и Красного моря. Примечательными в этом плане являются заметки Пэлгрева о Бахрейне. Англичане и французы, пишет он, были там «известны». Немцы и итальянцы все еще «не имели места в бахрейнском словаре». Голландцы и португальцы – «преданы забвению», а вот «москови» (москвиты) в речи бахрейнцев, то есть русских, – «столь же известны, как и страшны»³⁹.

В 1889 г. Маскат и 1895 г. Дофар посетили Джеймс Теодор Бент (1852–1897), английский путешественник и археолог, и его жена Мэйбл. Исследования и археологические раскопки, что они провели в Йемене и в Омани, позволили им открыть и нанести на карту легендарные пути благовоний, пролежавшие по землям Южной Аравии.

Делясь своими впечатлениями о Маскате, его древних, как сам этот город, рынках, тесных, крикливых и грязных, Джеймс Теодор Бент замечает, что видел там, как обожаемую им и

³⁹ Пэлгрев, Джиффорд. Путешествие по Средней и Восточной Аравии. СПб, 1875. С. 415-433; Hogarth, D.G. The Penetration of Arabia: A Record of the Development of the Western Knowledge Concerning the Arabian Peninsula, New York, 1904, p. 127-279.

его супругой халву оманскую месили и взбивали ногами в огромных чанах рабы-африканцы. И что после этого от халвы, когда им ее предлагали к кофе, они деликатно отказывались.

О тогдашнем правителе Омана, *сеййиде* Са'иде, путешественник сообщает, что был он в ту пору «болен и слаб», и всеми делами в землях Омана ведал Файсал ибн Таймур. Любого человека по его повелению могли предать смерти, «бросив в клетку со львом», или же, «разрубив на части», скормить акулам в море⁴⁰.

Первым европейцем, посетившим наглухо закрытые для них, и довольно долго, земли Внутреннего Омана, стал итальянский доктор Винченцо Мауризи. В период с 1809 по 1814 годы, состоя на службе у правителя Омана, сеййида Са'ида ибн Султана, он побывал в Шинасе и в некоторых других городах Внутреннего Омана.

После окончания службы издал (в Лондоне, в 1819 г.) воспоминания об Омани, под названием «История *сеййида* Са'ида». Изложил в них интересные сведения о Шинасе, к примеру, Эль-Сувайке и Рустаке⁴¹.

Богатый материал об истории Омана, обычаях и традициях его народа, в том числе о нравах жителей Внутреннего Омана, собрал и опубликовал в книге «Страны и племена Персидского залива» (1919) полковник Сэмюэл Баррет Майлс (1838–1914), прослуживший 14 лет британским политическим агентом и консулом в Маскате (1872–1886). Исполнял также по совместительству обязанности британского политического резидента в Персидском заливе, генерального консула в Багдаде (с 1879 г.), политического агента и генерального консула на Занзибаре (с 1881 г.).

Из биографии Сэмюэла Майлса известно, что, будучи сыном генерал-майора, он решил пойти по стопам отца. И в 1857 г., во время прогремевшего на весь мир восстания сипаев, поступил на военную службу в Ост-Индскую компанию, прапорщиком в 7-ой батальон Бомбейского полка пехоты. За девять лет дослужился до командира батальона (1864). В ноябре 1866 г. вместе со своим батальоном был переброшен в Аден, где впервые и ступил на землю Аравии. По прошествии 12 месяцев занял должность помощника политического резидента. Оставался в Адене до марта 1869 г.

За время нахождения на посту британского политического агента и консула в Маскате выучил арабский язык. Много путешествовал по стране. В сентябре 1874 г. на судне «Philomel» посетил Эль-Ашхар (для проведения разборки одного «пиратского дела», как отмечал в своем дневнике) и Калхат. В январе 1875 г. побывал в Сухаре, а затем и в оазисе Эль-Бурайми. В 1876 г. познакомился с обитателями Джабаль-эль-Ахдар и взошел на вершину этой горы. Ярко описал жилища местных жителей, термальные источники. Будучи в Эль-Аваби, видел, как женщины использовали хну и шафран «для наведения красоты» – окраски волос и росписи кистей рук и ступней ног. В конце 1884 г. на судне «Dragon» хаживал на острова Куриа-Муриа и в Дофар. Наведывался в Мирбат, древнюю столицу «ладаноносной земли». В 1885 г. предпринял путешествие по землям Внутреннего Омана. Дошел до границ великой аравийской пустыни Руб-эль-Хали.

После окончания службы в Аравии (1886) возвратился в Индию, где в 1887 г. получил звание полковника. Женился на Эллен Мари, старшей дочери сэра Брука Кея, и был назначен политическим резидентом в Мевар (раджпутское княжество на юге Раджастана). Прослужив в Индии до 1893 г., возвратился в Англию. Умер 28 августа 1914 г.

Когда он прибыл в Маскат, рассказывает С. Майлс, то властвовал в Омани *сеййид* Турки ибн Са'ид (правил 1871–1888), подавивший при поддержке англичан мятеж, поднятый 'Аззаном ибн Кайсом. Во владениях этого шейха вино и табак находились под строжайшим запретом. Оманцы должны были посещать мечети в строго установленное для молитв время и

⁴⁰ James Theodor Bent, Southern Arabia, London, 1900, p. 58, 63.

⁴¹ Vincenzo Maurizi, History of Seyd Said Sultan of Muscat, 2nd edition, Cambridge, 1984.

тщательно следить за своими усами и бородами. Ранние годы правления *сеййида* Турки, сообщает С. Майлс, ознаменовались острыми междоусобицами племенных объединений *гафири* и *хинави*, а также набегами племен Внутреннего Омана и *ваххабитов* на Маскат и другие города на Оманском побережье. Поездки С. Майлса по стране и собираемая им информация о положении дел в Омане имели чрезвычайно важное значение для английских колониальных властей в Индии, дабы должным образом и своевременно реагировать на все происходившее как в самом Омане, так и в его доминионах.

С. Майлс оставил интересные заметки о *заттах*, оманских циганах, и о *байасирах*, как коренные жители называли потомков персов-завоевателей и детей от связей мужчин-оманцев с африканками-наложницами, «расах презренных» в словаре оманцев.

О *заттах* пишет, что, широко расселившись по землям Аравии, от Маската до Месопотамии, они образовали несколько многочисленных коммун в Омане. Держались обособленно, и в брачные отношения ни с кем, кроме собственных кланов, не вступали. На арабов взирали свысока, как на расу, стоящую ниже них. Среди оманцев, вместе с тем, пользовались уважением, ибо были «людьми рукастыми». Слыли умелыми ремесленниками: кузнецами, жестянщиками, плотниками и ткачами, а также отменными ветеренарами и маститыми цирюльниками – брадоброями и «стригунами» усов. Большая часть этой сферы деятельности в Омане находилась в их руках. Разговаривали они между собой на трудно понятном для оманцев диалекте, замечает С. Майлс, представлявшем собой смесь индийского, арабского и персидского языков. Стилем жизни, манерами и поведением походили на циган Европы⁴².

Слово «*затт*», объясняет С. Майлс, происходит, от индийского слова «*джатт*», которым в Аравии индусы именовали коммуны своих соотечественников. В Омане словом «*затт*» зачастую окликали и тех, кто плохо говорил по-арабски.

Что касается *байасиров*, то С. Майлс характеризует их, как людей миролюбивых, трудолюбивых и прилежных. Были среди них и лица состоятельные, говорит он. Но никто из них никаких административных постов в Омане не занимал. Оманцы относились к *байасирам* крайне настороженно, и никому из них ни в чем не доверяли. Когда *байсар* (множественное число – *байасир*) встречал на пути арабского шейха, то приветствуя его, непременно целовал ему руку. Однако, прежде чем сделать это, то есть приблизиться к шейху и приложиться губами к его руке, непременно должен был сбросить с ног сандалии. И разуться как можно дальше от шейха. Все это, согласно бытовавшему тогда обычаю, указывало на то, что он среди оманцев – никто, и звать его никак⁴³.

Известный востоковед-исследователь Уилкинсон, в своей работе, посвященной родоплеменным кланам Омана, рассказывает, что поскольку предки оманских *байасиров*, пленные воины-персы, были мусульманами, то рабами, в полном понимании этого слова, не стали. Жили обособленно, на окраинах городов, в населенных только ими кварталах. Ал-Хамадани, сообщает Уилкинсон, повествуя о *байасирах* Омана, относил к ним и жителей Райсута, портового города в Дофаре. Считал их ранними поселенцами тех мест, отодвинувшимися в Дофар из Хадрамаута еще до прихода туда *'издов*, которые их не признали и не приняли⁴⁴.

Крупная коммуна *байасиров*-персов, по словам С. Майлса, проживала в местечке Эль-Шерайджи, что в окрестностях Джабаль Ахдар. Со временем персов-дейлемитов, вторгшихся в X в. в Оман и захвативших Джабаль Ахдар, оттуда изгнали. Но вот некоторые из них Оман не покинули, остались в Эль-Шерайдже, и стали называть ее Малым Ширазом.

⁴² S. B. Miles, On the Route between Sohar and el-Bereymi in Oman, with a note on the Zatt, or gipsies in Arabia, Journal of the Asiatic Society of Bengal, 46 (1877), p. 57-59.

⁴³ S. B. Miles, Across the Green Mountain of Oman, Geographical Journal, 18 (1901), p. 468.

⁴⁴ J. C. Wilkinson, Bayasirah and Bayadir, Arabian Studies, 1 (1974), p. 75-85.

Доминировало среди племен в районе Джабаль Ахдар племя *бану риам*. Поглостило оно и население Эль-Шерайджи, превратившееся в одно из колен этого племени. Персы, которые довольно долго удерживали за собой отдельные части Омана, сообщает С. Майлс, ассимилировались с арабами, переняли у них язык, одежду и привычки. Но жили отдельными коммунами и брачные союзы с арабами заключали крайне редко. Оманцы считали их «расой испорченной». Те из них, кто остался в Эль-Шерайдже, с гор в долины никогда не спускались. Занимались в основном сельским хозяйством. Именно они, со слов С. Майлса, стали выращивать на оманской земле многие персидские фрукты: гранаты, виноград, грецкие орехи, персики и миндаль⁴⁵.

Повествуя о племенах Омана, С. Майлс отмечает, что все они принадлежали к двум крупным межплеменным конфедерациям: *гаффри* (так именовали тех, кто мигрировал в Оман с севера Аравийского полуострова) и *хинави* (это название закрепилось за арабами-йеменитыми, теми, кто отодвинулся в Оман из Йемена). Рассказывает, что они постоянно враждовали друг с другом. Вместе с тем, когда над страной нависала угроза, то о междоусобицах своих они на время забывали, и объединялись, чтобы дать отпор врагу.

Упоминает С. Майлс и о существовавшем в Омани обычае *хафир* (смысл этого слова – «защитник», «стражник»). Суть данного обычая заключалась в том, что, передвигаясь по землям Омана, поделенным между племенами, чужестранцы, торговцы и путешественники, дабы избежать неожиданностей и неприятностей со стороны племен, места обитания которых они собирались пересечь, непременно должны были обзавестись *хафиром* (защитником), исполнявшим в то же самое время и роль проводника⁴⁶.

Поведал С. Майлс и о том, что в каждом из оманских сел непременно имелась *сабла*, то есть открытый со всех сторон помост с крышей из пальмовых листьев. Располагалась *сабла* в центре села и служила местом для ежедневных собраний старейшин семейно-родовых кланов. На этих собраниях, проходивших по вечерам, обсуждали то, что произошло в селе за день, все волновавшие сельчан вопросы и докатывавшиеся до них слухи и новости. Всем собиравшимся на встречу обязательно подавали кофе. А вот турецкие курительные трубки, популярные в тех частях Аравии, что прилегают к Месопотамии, хождения в Омани не имели⁴⁷.

Поделиться С. Майлс и своими наблюдениями за тем, как обучали грамоте (счету и письму) оманскую детвору в одном небольшом местечке. Занятия проводили на открытом воздухе, под манговыми деревьями. «Учителями выступали старые муллы с розгами в руках». Ребятишки рассаживались прямо на земле, у ног своих «педагогов». В другом месте, где букве, цифирю и чтению по Корану учили тоже муллы, совместные занятия мальчишек и девчонок проходили при мечети. Поспешая по утрам в школу, детишки несли в руках *мирфы*, то есть деревянные подставки для Корана, и выкрашенные в белый цвет дощечки или верблюжьи лопатки, служившие им «тетрадками», на которых они, макая тростниковые палочки в миски с золой, учились письму⁴⁸.

Повествуя о рынках Омана, С. Майлс говорит, что посещал эти места, «людные и бойкие», в Маскате и Сумаиле, в Бахле и Сухаре, и во многих других городах. Но самое большое впечатление на него произвел все же рынок в Низве с его широко известными в Южной Аравии мастерскими медников, котельщиков и красильщиков. Там он наблюдал за работой изготовителей верблюжьих седел и оружейников, серебряных дел мастеров и сапожников, ткачей

⁴⁵ S. B. Miles, Across the Green Mountain of Oman, Geographical Journal, 18 (1901), p. 484, 485.

⁴⁶ S. B. Miles, On the Route between Sohar and el-Bereymi in Oman, op. cit., p. 44.

⁴⁷ S. B. Miles, Across the Green Mountain in Oman, op. cit., p. 471.

⁴⁸ Там же. С. 467, 471.

полотен для шатров, плотников и гончаров, кузнецов и каменотесов, вязальщиков циновки и рогожек, и «творцов», как их величали оманцы, национальных сладостей – халвы и патоки⁴⁹.

Рассказывая о знаменитых оманских финиках, С. Майлс пишет, что вывозили их в Индию и в Османскую империю, и даже в Америку. На рынки Бостона и Нью-Йорка торговцы поставляли финики сорта «*фард*» («единственный», «неповторимый»), одного из лучших в Омане⁵⁰.

Упоминает С. Майлс и об изготовлении виноградного вина в Джабаль Ахдар, большими охотниками до которого были, по его словам, проживавшие в горах ассимилировавшиеся с арабами персы.

Уделил несколько слов С. Майлс в своих заметках и традиционному архитектурному стилю домов оманцев. Обратил внимание на входные резные деревянные двери и на окна, «не застекленные, но закрывавшиеся на ночь столь же искусно выполненными резными деревянными ставнями». Балконы домов, откуда женщины наблюдали за тем, что происходило на улицах, укрывали от взоров прохожих решетчатые деревянные конструкции. Потолки в жилищах горожане делали из бревен тикового дерева. Полы устилали коврами и циновками. И никакой мебели в комнатах – ни столов, ни стульев. Только мощные деревянные резные сундуки по углам для хранения ценных вещей, да широкие полки на стенах с расставленными на них кофейными принадлежностями и изделиями из китайского фарфора⁵¹.

Высоко отзывался С. Майлс о гостеприимстве оманцев. В какой бы деревне он не бывал, везде его встречали и принимали как почетного и дорогого гостя – под выстрелы из ружей и бой барабанов. От околицы села и до жилища шейха сопровождали с песнями и танцами. Должный прием гостя, его безопасность и комфорт, подчеркивает С. Майлс, – неперенные атрибуты оманского гостеприимства.

Холодно к нему отнеслись, замечает С. Майлс, только в Ибри, крупнейшем в Омане в его время «рынке ворованных вещей», где распродалось все награбленное местными племенами в ходе их набегов на Эль-Батину. Город этот, сообщает С. Майлс, пользовался дурной славой не только среди чужеземных купцов и путешественников, но и среди самих оманцев. Жители там племена славились разбоем. Каждый взрослый и дееспособный мужчина имел оружие, искусно владел мечом и кинжалом, был хорошо обучен военному делу и готов к тому, чтобы по первому же сигналу выступить в набег. Частенько и сам Ибри, свидетельствует С. Майлс, из-за скапливавшихся там богатств, изъятых у населения ограбленных городов и отобранных у торговых караванов, подвергался набегам со стороны *ваххабитов*, подчистую обиравших ибрийцев⁵².

Интересным представляется и краткий обзор сведений об Аравии древних греков, приведенный Сэмюэлем Майлсом в его сочинении «Страны и племена Персидского залива». Первым из них, кто составил описание Аравии, отмечает С. Майлс, был Эратосфен (276–194 до н. э.), греческий астроном и географ, служивший в знаменитой библиотеке Александрии и там же скончавшийся. Он достаточно много рассказал о Древнем Йемене, уточняет С. Майлс, но ничего об Омане. И добавляет, что из числа племен-переселенцев с севера Аравии на юг, упомянутых Эратосфеном, только одно отметилось в Омане – племя *бану хуза'а*, расселившееся вплоть до Маската. Более расширенный объем информации о Южной Аравии, пишет С. Майлс, содержался в пятитомном сочинении Агатархида, античного автора II века, историка и географа, известного своими описаниями Персидского залива и Красного моря. Некоторое время он также жил и трудился в Египте. К сожалению, все его работы, за исключением

⁴⁹ S. B. Miles, On the Border of the Great Desert: A Journey in Oman (part I), The Geographical Journal, vol. 36, № 2, Aug. 1910, p.159-178.

⁵⁰ S. B. Miles, Across the Green Mountain in Oman, op. cit., p. 495.

⁵¹ S. B. Miles, Journal of an excursion in Oman, in south-east Arabia, Geographical Journal, 7 (1896), p. 533.

⁵² S. B. Miles, On the Border of the Great Desert: A Journey in Oman (part II), Geographical Journal, 36 (1910), p. 414.

нескольких фрагментов из них, как и труды Эратосфена, не сохранились. Из того немногого, что дошло до наших дней, следует, что уже в тогда коммуну торговцев-аравийцев имелись во всех сколько-нибудь крупных портах Индии.

С ростом египетской торговли, продолжает С. Майлс, знания древних греков об Аравии пополнились, но вот что касается Омана, то они по-прежнему оставались скудными. Клавдий Птолемей (ок. 100 – ок. 170), к примеру, позднеэллинический астроном, астролог и географ, дает уже довольно аккуратное описание Оманского побережья, но не приводит о нем никаких исторических сведений. «Перипл Эритрейского моря», написанный в 80 г. н. э., информирует мореходов о крупнейших портах на побережье Южной Аравии от Баб-эль-Мандебского пролива до мыса Фартак, что в Эль-Махре (Йемен), но ни слова не говорит ни об одном порте между Маскатом и Персидским заливом. Данные об Омани, которыми располагали древние греки, заключает С. Майлс, были мизерными. Ведали они только о том, что в землях Омана, где властвовали некогда парфяне, имелись благовония. Даже в трудах Клавдия Птолемея, замечает С. Майлс, мало что сказано об истории раннего Омана. Многие из тех городов на юго-восточном и восточном побережьях Аравийского полуострова, о которых он повествует, угасли и не дожили до наших дней. Городок Рабана Раджиа, к примеру, где располагался «дом власти» (резиденция шейха) ушедшего в предания и легенды племени *бану раббан ибн хальван ибн мирван*, крупной когда-то ветви племени *бану хуза'а*. Давным-давно оно мигрировало из Неджда через Йамаму в Оман, где часть его осела рядом с *'издами*, арабами-йеменитами. Птолемей, делает вывод С. Майлс, сообщает об Омани лишь то, что край этот очень зависел от внешних ресурсов, особенно от продовольственных поставок из Индии и Месопотамии, и считался землями мореходов, вовлеченных в доставку ценных товаров с Востока через Персидский залив на Запад. Самих же оманцев Птолемей именует пионерами морской навигации в Индийском океане⁵³.

Интересные заметки о крупных портовых городах Омана, некоторых его внутренних районах и о шейхствах в землях Аш-Шамал (нынешних ОАЭ) оставил сэр Перси Захария Кокс (1864–1937), британский политический агент в Маскате (с 1899 г.).

За годы своей службы в Омани он предпринял несколько экспедиций по стране. Так, в 1902 г. на судне прошел вдоль Оманского побережья от Маската до Абу-Даби. Шейх Заид ибн Халифа, тогдашний правитель Абу-Даби, прозванный в народе Заидом Великим, не только тепло и радушно принял его, но и обеспечил всем необходимым – продовольствием, верблюдами, проводниками и даже небольшим отрядом охраны – по пути из Абу-Даби в Эль-Бурайми, а оттуда – через Захиру – в Мазун и Ибри. Перси Кокс высоко отзывался о личных качествах шейха Заида, человека мудрого, щедрого и внимательного по отношению к соплеменникам, их горестям и нуждам.

Возник Абу-Даби в 1761 году. Толчком к его появлению на свет стал один эпизод, который произошел во время охоты шейха племени *бану йас*, Дийаба ибн 'Исы из рода Аль Нахайан. Выдвинулись охотники из оазиса Лива. Приблизившись к побережью, обнаружили следы газелей, которые привели их к броду у лежавшего неподалеку острова. Перейдя брод и попав на остров, погнались за грациозной белой газелью, и оказались у источника с пресной водой, где собралось на водопой целое стадо животных. Остров шейху понравился. На нем имелось достаточно растительности для выпаса домашнего скота – верблюдов и овец. В память о газели, приведшей охотников на этот остров, шейх назвал его Абу-Даби, что в переводе с арабского языка значит «Отец газели» или «Земля газели». Вскоре там возвели дозорно-сторожевую башню (для охраны источника). Затем построили крепость, вокруг которой и возник со временем город. Так о «рождении Абу-Даби», сообщает сэр Перси Кокс, рассказывали ему бедуины-кочевники, ссылаясь на предания предков.

⁵³ Colonel S. B. Miles. The Countries and the Tribes of the Persian Gulf, London, 1919, vol. I, p. 9-11.

Что касается самого племени *бану йас*, то рождением своим, как повествуют своды «аравийской старины», оно обязано легендарному Йасу, сыну Амира ибн Сааса. Сказания гласят, что бедуин-кочевник Йас, воин и поэт, вырыл в оазисе Лива, одном из мест расселения племен Древней Аравии, первый там колодец. И в знак благодарности за содеянное им все семейно-родовые кланы, жительствовавшие в той округе, стали именовать себя *йасами*. Были они мужественными и бесстрашными. Совершали дерзкие набеги на обширные владения правителей Омана и на земли соседнего с ними Катара. В течение 5–6 дней вождь племени *бану йас* мог собрать под свое знамя до 20 тысяч воинов на верблюдах.

Делясь впечатлениями о бедуинах, обитавших в землях Аш-Шамал, будь то в Абу-Даби, Шардже или Ра'с-эль-Хайме, английские и русские дипломаты, обращали внимание на такую, «общую для всех них черту характера», как «сочетание решимости и мужества, чувства собственного достоинства и гордости за свой род и племя». Основопологающим правилом их повседневной жизни было строгое следование обычаям, традициям и заветам предков. Самым драгоценным в ней они считали свободу. Превыше всего ставили честь – семьи, рода и племени.

В том же 1902 г. сэр Перси Кокс побывал в Низве, и через оазис Тануф возвратился в Маскат. За время службы там хорошо изучил город и его окрестности. Вспоминал, что на скальных отвесах в бухте Маската видел начертанные на них названия заходивших туда боевых кораблей, тех из них, кто особо запомнился населению.

В 1904 г. сэр Перси Кокс был назначен исполняющим обязанности английского политического резидента в Персидском заливе и генеральным консулом в персидских провинциях Фарс, Лурестан и Хузестан, а также в Линге. Перед тем, как покинуть Маскат, совершил еще одно путешествие в Эль-Бурайми. Проследовал туда через Ра'с-эль-Хайму. Согласно преданию, в начале XVIII столетия в районе одноименной столицы этого эмирата верховный шейх племенного союза *ал-кавасим* поставил огромный шатер, служивший неплохим ориентиром для мореходов Южной Аравии. Они-то и нарекли эти земли Ра'с-эль-Хаймой, что в переводе с арабского языка значит «Верхушка шатра». На территории Ра'с-эль-Хаймы располагался некогда именитый Джульфар, крупный центр морской торговли Древней Аравии. Легенды гласят, что город этот был связан с бухтой каналом, прорытым по приказу царицы Зенобии, правительницы блистательной Пальмиры, города-царства в землях Сирии. И все для того, чтобы корабли негоциантов могли подходить прямо к ступеням ее дворца в Джульфаре. В сказаниях местных жителей говорится о том, что Зенобия, или «владычица За'аба», как ее величали арабы Аравии, «воспротивившаяся могущественному Риму», имела в виду – в случае поражения в схватке с римлянами за Восток – «укрыться от их гнева» в далеком от них Джульфаре.

Увлекательные рассказы об Омани, в том числе о внутренних районах этой страны, а также об обычаях и традициях оманцев, содержатся в книгах («Счастливая Аравия», «Арабы») и научных статьях Бертрама Сиднея Томаса (1892–1950). На протяжении почти семи лет (1924–1931) он служил *вазиром* (премьер-министром) при султани Маската и Омана. Занимался изучением арабского языка. Также, как и Сэмюэл Майлс, много путешествовал по Омани и землям Аш-Шамал. В ряде случаев – совместно с правителем Омана. Пользовался уважением среди местных племен, ценивших «усердие и прилежание *инглиза*» в познании жизни и быта оманцев, истории их края, сказаний и преданий предков. Исследовал и описал побережье Эль-Батины. Побывал, пройдя через горы, в Шардже (в наше время этот эмират входит в состав ОАЭ). Оттуда, уже на судне, добрался до Сухара. В 1927 г. неоднократно посещал районы Восточного Омана. Зимой 1927–1928 гг. совершил 650-мильный переход из Ра'с-эль-Хадда до Дофара; а зимой 1929–1930 гг. – 400-мильный переход из Дофара в Мугшен (вдоль границы песков) и обратно. В 1930 г. высаживался на полуострове Мусандам. Участвовал в карательной операции британских бригад «Lurip» и «Cycloman» в подавлении бунта *шихухов*, не пожелавших, чтобы английское судно «Ormonde» исследовало побережье земель

их проживания. Во время этой экспедиции собрал много интересных сведений о самих *шихулах*, одного из самых загадочных племен Омана, их нравах и обычаях. В октябре 1930 г. морем дошел из Маската до Дофара, имея в виду, отправившись оттуда, пересечь пустыню Руб-эль-Хали и добраться до Катара. Оставался в Дофаре до декабря; побывал на горе Кара и в ее окрестностях. Готовясь к переходу пустыни, отрастил бороду, переделался в одежду бедуинов и стал вести жизнь кочевника.

10 декабря 1930 г. караван Бертрама Томаса, состоявший из 15 верблюдов, покинул Дофар. Маршрут на север, к пустыне, пролегал через горы Кара и долину с плантациями благовоний. Там, между долиной и песками, лежал, по словам проводника, древний караванный путь. Арабы Южной Аравии называли его дорогой в Убар, в ушедший в легенды город, в «земную обитель 'адитов», автохтонов Аравии, «арабов угасших».

Арабские историки прошлого писали об Убаре, как о «земном рае». Убар, город колонн и башен, повествуют сказания южноаравийцев, прославился своей великолепной архитектурой, накопленными в нем богатствами несметными и роскошными садами. Дворцы его – из золота и серебра, говорится в Коране, колонны дворцов – из хризолита и алмазов, люди его – гиганты. И не было на земле другого такого города, как Убар.

По мнению археологов, Убар – это Ирам Многоколонный, утерянный богатый город, основанный Шаддадом ибн 'Адом. Легенды гласят, что, отстроив Ирам, «осколок рая на земле», возгордился Шаддад без меры. Возомнил себя, человека смертного, Богом. И возжелал, чтобы и люди поклонялись ему, как Богу. За что и был наказан Господом – «сражен молнией, пущенной в него с небес», когда намеревался торжественно въехать в чудный город свой. Народ же его, последовавший за ним, как за Творцом-Вседержителем, умертвил «крик ужасный, коим Бог разразился с небес». И сделал это Господь, согласно преданиям арабов Южной Аравии, в назидание людям, дабы не боготворили они никого из смертных, ни деяния их земные. И исчез Ирам Многоколонный с «лица земли». Пески занесли его. И сделался он легендой.

Многие именитые исследователи Аравии, в том числе и Бертрам Томас, который первым из европейцев пересек (с юга на север) великую аравийскую пустыню Руб-эль-Хали, сходятся во мнении, что Убар был крупным перевалочным пунктом аравийской торговли, где ежедневно размещались на отдых 2 000 верблюдов и 500 погонщиков. Находился город этот в районе плодородного оазиса. Существовал в период с 2800 г. до н. э. по 100 г. н. э. Жители Убара занимались посреднической торговлей, сбором ладана и оптовой продажей благовоний, считавшихся у многих народов прошлого символом богатства. Ладаноносные деревья произрастали вблизи гор Кара. Здесь же располагался и таможенный пост. Известно, что вынашивались даже планы насчет сооружения Великой дофарской стены с дозорно-сторожевыми башнями, которая оградила бы земли Дофара, «кладовую благовоний» в речи южноаравийцев, от вторжений бедуинов с континентальной части и от набегов пиратов с моря.

Ладан по «пути благовоний», о котором повествует Бертрам Томас, шел в легендарную Герру, также утерянную (располагалась на Восточном побережье Аравии), а оттуда – в царства Древней Месопотамии. Другой маршрут пролегал в Петру, столицу Набатеяского царства, и через нее – в Палестину, Сирию и Средиземноморье.

Убар, он же Ирам Многоколонный, один из блистательных городов Древнего Омана, как считали Бертрам Томас и Уилфред Тезигер (1910–2004), знаменитый британский путешественник, был занесен песками. Подтвердили это предположение и две археологические экспедиции в Оман, организованные в 1991 г. американским кинорежисером Николасом Клэппом, а также раскопки в оазисе Шисур, проведенные археологами, участвовавшими в тех экспедициях. Они привели их к выводу о том, что Убар стоял именно в том месте⁵⁴.

⁵⁴ *Nicholas Clapp. The Road to Ubar: Finding the Atlantis of the Sands, London, 1999; Ranulph Fiennes, Atlantis of the Sands:*

Итак, возвращаясь к рассказу о путешествии Бертрама Томаса по Руб-эль-Хали, отметим, что сначала, оставив земли Шу'айта, что на границе с пустыней, он в течение девяти дней пути находился под защитой шейха Салиха ибн Клута из племени *бану расиди*. Затем тот передал его в руки шейха Хамада ибн Хади, вождя легендарного племени *ал-мурра*, славившегося своими следопытами или «лучшими чтецами следов на песке», как о них говорили бедуины Аравии. Передвигаясь по пустыне, от Омана до Дохи (Катара), замечает Бертрам Томас, он пил только верблюжье молоко. Вода в колодцах, что попадались им на пути, была такой соленой, что, несмотря на жажду, ею даже ополаскивать рот и то не хотелось.

Познал Бертрам Томас во время этого путешествия и губительную силу нескольких страшных аравийских песчаных бурь (*хамсинов*).

В феврале 1931 г. прибыл в Доху. Путешествие завершилось. Из Катара он проследовал на Бахрейн (там располагалась ближайшая телеграфная станция). Оттуда отправил телеграмму (22.02.1931) в Королевское Географическое Общество. Сообщил, что пересек пустыню Руб-эль-Хали. И уже на следующий день информацию об этом напечатала газета «Таймс», подчеркнув, что Бертрам Томас стал первым европейцем, кто преодолел великую Аравийскую пустыню. Статья, опубликованная в «Таймсе», вызвала огромный резонанс во всем мире. С успешным завершением экспедиции Бертрама Томаса поздравили Лоуренс Аравийский и Филби. А вот американский консул в Багдаде, Александр Слоан, усмотрел в путешествии Бертрама Томаса по пустыне некий тайный умысел. В депеше, отправленной в Вашингтон, высказал предположение, что главная цель и этой экспедиции Бертрама Томаса, и его работы в Омани в должности советника султана состояла в том, чтобы исследовать земли Внутреннего Омана и прилегающие к ним пески. И собрать информацию для Англо-Персидской нефтяной компании о местах проступления нефти, которые были обнаружены в той части Аравии бедуинами-кочевниками⁵⁵.

Рассказывая о женщинах Дофара, Бертрам Томас сообщает, что для «украшения тела» они использовали краску индиго. Черной сурьмой обводили брови, ноздри и подпородок; прорисовывали прямые линии от ноздрей к ушам, и расписывали шеи. Носили множество колец – на пальцах рук, в ушах и даже в левой ноздре. У женщин, проживавших в горах Кара, что в Дофаре, существовал, по словам Бертрама Томаса, интересный, нигде в другом месте Омана не встречавшийся обычай, а именно: они обрезают волосы у лба, дабы держать брови, один из символов женской красоты по-омански, полностью открытыми.

Мужчины Дофара, в свою очередь, внимательно следили за своими усами и бородами. Усы аккуратно подрезали и даже сбрасывали. Но вот бороды холили и содержали в порядке. Лишиться бороды в Аравии считалось позором. Такую процедуру непременно совершали над поверженным в бою и захваченным в плен противником. Борода являлась настолько важным аксессуаром костюма бедуина, что лишившийся ее мужчина становился посмешищем в глазах соплеменников. Поэтому сторонился людей, и ни в коем случае не появлялся на рынках, пока не отрастала новая. Волосами своей бороды, так же, к слову, как и своим верблюдом, в Аравии клялись. И клятву эту, надо сказать, держали крепко. Что касается волос на голове, то во многих племенах Дофара их вообще никогда не стригли, а скрепляли головными лентами. Бытовало поверье, что мужчину, лишившегося своих волос, ожидают горести и несчастья⁵⁶.

Повсеместно в Омани вообще и в Дофаре в частности исполнялся обычай обрезания: у мужчин – при достижении половой зрелости, а у женщин – при рождении. И если у женщин Северного Омана обрезают только верхнюю часть клитора, то у женщин Дофара его вырезали полностью.

the Search of the lost city of Ubar, London, 1993.

⁵⁵ Muhammad Morsy Abdullah. The United Arab Emirates: A Modern History, London, 1978, p. 60.

⁵⁶ Bertram Tomas, Among Some Unknown Tribes of South Arabia, Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, 59, № 32 (1929), p. 101.

Не так как в Европе, а с точностью наоборот, приветствовали друг друга в Дофаре мужчины и женщины. Встречаясь на улицах, женщины здоровались друг с другом за руку, как мужчины в Европе. А те свидетельствовали свое почтение друг к другу поцелуем в левую щеку, положив, правда, при этом левую руку на правое плечо. С мужчинами своего семейно-родового клана женщины здоровались легким касанием пальцев их рук⁵⁷.

Женщины в Дофаре, по наблюдениям Бертрама Томаса, были более свободными, чем где бы то ни было в других частях Омана. Во время работ, к примеру, на полях или в садах им даже разрешалось петь, за что в других районах Омана их могли побить. Несмотря на свободу, которой они пользовались, замечает Бертрам Томас, адюльтеры и внебрачные отношения женщин с мужчинами в Дофаре случались крайне редко.

В северных частях Омана, если женщина совершала прелюбодеяние, то ее могли убить, ибо такой поступок, согласно обычаям предков, марал честь и достоинство семьи и рода. Наказание блудницы исполняли либо ее отец, либо братья. При этом мужчина, что интересно, соблазнивший женщину, никакой ответственности не нес.

В Дофаре все было иначе. Девушку, уличенную в прелюбодеянии, из племени изгоняли. Покровительства и защиты своего племени она лишалась, раз и навсегда. Соблазнителя девушки полагалось убить, либо взыскать с него за то, что он совершил, – овцами и верблюдами.

Дойкой домашнего скота, а в некоторых племенах Дофара даже и приготовлением пищи, занимались мужчины. Обязанности жены сводились к выпасу скота, сбору хвороста для очага, доставке воды в дом, пряже тканей, изготовлению рогожек, уборке жилища и воспитанию детей.

Дофарцы, отмечает Бертрам Томас, были людьми очень суеверными. Верили в джиннов и духов, в силу оберегов и заклинаний. В целях умиловления грехов совершали жертвоприношения. Бытовало поверье, что половину своих коров мужчина непременно должен был принести в жертву – во спасение его души после смерти⁵⁸. Дабы уберечь себя, свой скот и урожай от «глаза дьявола» дофарцы воскуривали благовония. Перед жатвой забивали коров; кровью их окрапляли землю, а куски мяса разбрасывали по полям, – чтобы и в следующем году земля дала им урожай⁵⁹. Потерю животными молока относили к «козням дьявола». Чтобы они поправились, окуривали головы животных благовониями. Делали это на рассвете или при заходе солнца. Когда дофарец строил дом, то непременно вколачивал в его углы 4 длинных гвоздя. Так, согласно поверью, он мог защитить жилище от «глаза дьявола». По завершении работ, чтобы стены дома стояли долго, совершал жертвоприношение – забивал овечку; и делал это на пороге его нового жилища⁶⁰.

Человек, подозревавшийся в убийстве, но отрицавший это, проходил «испытание огнем». «Дознание» проводили между предрассветной и полуденной молитвами. Люди собирались у костра, разведенного на центральной площади поселения, и старейшина, поднеся лезвие клинка к огню, приказывал обвиняемому открыть рот и высунуть язык. Затем одной рукой брал кончик его языка своим головным платком, а другой раскаленным лезвием клинка делал два молниеносных прикосновения к языку обвиняемого. Если по прошествии двух часов следы опухоли на его языке обнаруживались, то он признавался виновным. И в соответствии с традицией должен был быть «лишен жизни», либо же «выкупить жизнь» – в зависимости от желания

⁵⁷ *Bertram Tomas, Arabia Felix: Across the "Empty Quarter" of Arabia, London, 1932, p. 71, 72.*

⁵⁸ *Bertram Tomas, Arabia Felix, op. cit., p. 55, 56.*

⁵⁹ Там же. С. 42.

⁶⁰ Там же. С. 94, 95.

тех, кто обвинял его в совершении убийства. Если же опухолей на языке не оказывалось, то обвиняемый признавался невиновным⁶¹.

О бедуинах пустыни Руб-эль-Хали, Бертрам Томас отзывается, как о людях с непоколебимой силой духа и абсолютной верой в неизбежность судьбы. Отсюда, говорит он, и такие их аксиомы-поговорки, как: «Надеяться можно только на Бога» и «Что предначертано судьбой, того не избежать». Жизнь бедуинов в безлюдной пустыне и отчужденность от внешнего мира, свидетельствует Бертрам Томас, отражалась на их характере. Они были абсолютно безразличны ко всему тому, что вне мира пустыни. Их не интересовали ни восходы, ни падения цивилизаций, ни наука, ни культура, ни образование. Все это в их жизни отсутствовало, и поэтому для них не существовало⁶². Самой дикой, по выражению Бертрама Томаса, и хищной расой среди бедуинов Руб-эль-Хали он называет племя *бану авамир*.

Бедуин – человек свободолюбивый. Гордость бедуина – его родословная. В чести у бедуинов щедрость. Свято чтут они обычай гостеприимства.

В обычае у бедуинов, замечает Бертрам Томас, – словословить своих верблюдов: слагать в их честь стихи и даже сочинять гимны. Такое воспевание верблюдов кочевники именуют словом «*ванна*».

Во время *маджалисов*, вечерних посиделок за чашечкой кофе, оманцы, по словам Бертрама Томаса, как бедуины, так и горожане, частенько состязались в цитировании стихов прославленных златоустов, то есть поэтов. В особой чести у них были оды (*касиды*) выдающегося арабского поэта ал-Мутанабби (915-965). У султана Маската имелся даже личный чтец стихов, некто Сайф, а также знаток сказаний и преданий арабов Аравии.

Все разговоры бедуинов-проводников во время их путешествия по пустыне, рассказывает Бертрам Томас, вращались вокруг трех тем: верблюдов, женщин и оружия. Часы, похоже, кочевники видели впервые в жизни. И радовались, как дети, когда он разрешил им взять его часы в руки и послушать, приложившись ухом к циферблату, как те тикают. С неменьшим восторгом, по его словам, взирали бедуины и на вынутый им из сумки электрический фонарик, огонь в котором, как они с удивлением говорили, совершенно не жег их руки.

Упомянул Бертрам Томас и об алчности бедуина, когда в оплату своих услуг он мог потребовать все что угодно. Отметил и постоянно сопровождавшие кочевников раздоры – семейно-родовые, клановое и межплеменные, которые, похоже, были «солью их жизни».

Описывая пустыню Руб-эль-Хали, указал на наличие в ней гигантских песчаных дюн, «песчаных топей» и «поющих песков», издававших звуки, подобные гудкам пароходов. Обратил внимание и на цвет песков, менявшийся в дневное и ночное время, – от розово-красного до белоснежно-бриллиантового.

Повествуя о быте оманцев, Бертрам Томас, пишет, что ели они только руками, что ни вилки, ни ложки не было у них и в помине. Пищу с медных огромных подносов брали и клали в рот с помощью «*абу хамсы*» («отца пятерни»), то есть пятью пальцами правой руки, и с именем Господа на устах.

Угости бедуина всего лишь несколькими финиками и напои чашечкой кофе, свидетельствует Бертрам Томас, и он всю жизнь потом будет отзывать о тебе, как о человеке гостеприимном. А попотчуй его отменно, рисом с мясом, но не подай напоследок кофе – и он сочтет тебя человеком скарредным, а себя – глубоко оскорбленным. Вот какое важное место в повседневной жизни кочевников Омана, сообщает Бертрам Томас, и в обычае гостеприимства оманцев вообще занимает кофе.

Неизгладимое впечатление, судя по всему, произвел на Бертрама Томаса, обычай *буруз* или *бурза*, как его еще называли оманцы (смысл слова «*буруз*» – появление на людях). Три

⁶¹ Там же. С. 84-86.

⁶² Там же. С. 154, 155.

раза на день, объясняет он, утром, в полдень и вечером, шейхи племен и главы родоплеменных кланов встречались у своих жилищ с соплеменниками, чтобы лично выслушать то, что беспокоило каждого из них, и разобрать жалобы⁶³. Бертрам Томас присутствовал на нескольких таких встречах, когда сопровождал султана Маската в поездках по стране. Все они непременно заканчивались кофепитием. Разносчик кофе, обходя собиравшихся на встречу людей, держал в одной руке кофейник, а в другой – с полдюжины маленьких чашечек, *финджанов*.

Рассказал Бертрам Томас в своих путевых заметках и о военном танце *азва*. Исполняли его в племенах Омана во время встреч почетных гостей, свадебных и праздничных торжеств. Мужчины с мечами и щитами, с ружьями и кинжалами, и с развернутыми боевыми знаменами, выстраивались в две линии, друг напротив друга. И затем, попеременно, под бой барабанов, надвигались волнами, одна на другую, паля из ружий в воздух и издавая боевые кличи.

На полуострове Мусандам, вспоминал Бертрам Томас, подбрасывание мечей над головами и выкрикивание боевых кличей, именуемых *шихухами*, тамошними жителями, словом «*надаба*», являлось непременным атрибутом свадебных и других церемониалов⁶⁴.

Интересуясь в разговорах с оманцами, кто привнес в их земли искусство сооружения *афладжей*, то есть древних оросительных систем, Бертрам Томас слышал в ответ много интересных историй. При этом подавляющая часть дофарцев считала, что первые *афладжи* в Омани построили *ифриты*, то есть джинны ада, сверхъестественные существа, проклятые Аллахом и служащие *Иблису* (сатане), которых царь Соломон подчинил его воле. Пожаловал же он в Оман, дабы лично узреть «край благовоний». Восседал, когда передвигался, на ковре, разостланном на крыльях подвластного ему ветра. Наблюдая за тяжелым трудом оманцев в их пальмовых рощах-кормилицах, и повелел царь Соломон *ифритам* проложить в те рощи *афладжи*, дабы воды, стекающие с гор после дождей, равно как и бьющие из хранящихся в них источников, поили и деревья, и огороды, разбитые между ними⁶⁵.

Болезни в глухих районах Омана лечили тогда, рассказывает Бертрам Томас (напомним читателю, что речь идет о конце 1920-х – начале 1930-х годов), все теми же дедовскими способами: прижиганиями и «настойками» на листках с текстами из Корана, привезенными из Мекки. Многие болезни приписывали заклинаниям, которые накладывали на людей колдуньи. Снимали заклинания чтением *айатов* («стихов») из Корана. В целях избавления от болезней женщины наведывались к целительницам-вещуньям. Если выздоравливали, то должны были вновь побывать в местах обитания целительниц-вещунь, которые вели уединенный образ жизни, и оставить там либо курицу, либо горшок с мукой, либо корзинку с яйцами, или же воскурить благовония⁶⁶.

Многие оманки, как и их далекие предки, повествует Бертрам Томас, верили в предсказание судьбы человека по звезде, под которой тот рождался, и по отпечаткам следов, что оставлял на песке. Так, во время одной из поездок по стране, он, по его словам, был свидетелем того, как к почитаемому в тех местах старцу явилась женщина с истощенным и изнуренным ребенком, и поинтересовалась, поправится ли ее сынишка, если она изменит имя, данное ему при рождении. Женщина полагала, пишет Бертрам Томас, что звезда, под которой родился ее малыш, затаила обиду в связи с данным ему именем. И потому хотела выяснить у старца, слышшего к тому же искусным звездочетом, поможет ли она мальчику выздороветь, если назовет его другим именем?!⁶⁷.

⁶³ *Bertram Sidney Tomas*, *Alarms and Excursions in Arabia*, London, 1931, p. 117, 118.

⁶⁴ *Bertram Tomas*. *The Musandam Peninsula and its People the Shihuh*, *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*, 59 (1929), p. 104.

⁶⁵ *Bertram Sidney Tomas*, *Alarms and Excursions in Arabia*, op. cit., p. 168.

⁶⁶ Там же. С. 178.

⁶⁷ Там же. С. 278.

Из биографии Бертрама Томаса известно, что родился он в Бристоле. Карьеру начал в 1914 году. Два года служил в Бельгии, затем в Месопотамии. Проработал там 6 лет. Был награжден, и в 1922 г. направлен в Трансиорданию, на должность помощника английского политического агента в Аммане. В 1924 г. получил предложение перейти на работу к султану Маската, стать его *вази-ром*. Покинув Маскат и оставив службу, занялся научной деятельностью. В 1935 г. получил степень доктора наук в Кембриджском университете. Во время 2-й мировой войны исполнял обязанности офицера по связям с общественностью на Бахрейне (1942–1943). В 1944 г. возглавил основанный им Ближневосточный центр арабских исследований (The Middle East Centre of Arabic Studies), располагавшийся сначала в Палестине, а потом в Ливане. Умер в Бристоле, в 1950 г.

Делясь с журналистами впечатлениями от путешествий по Оману, Бертрам Томас непременно упоминал о том, что прославивший его переход через пустыню Руб-эль-Хали он совершил при поддержке султана Маската. Зная, что Бертрам Томас не женат, и что очень хотел бы побывать в пустыне Руб-эль-Хале, султан на одной из их встреч как-то сказал, что «в ближайшие несколько дней поможет ему жениться на той, кто ближе всего его сердцу». А секретарь султана, улыбнувшись, тут же добавил: «И, конечно же, на девственнице». Так, говорил Бертрам Томас, и состоялось его незабываемое путешествие по пустыне Руб-эль-Хали⁶⁸.

Интересные заметки об Омани принадлежат перу Эдварда Фирса Хендерсона. Родился он в 1917 г., в Южной Африке. Образование получил в колледжах Бристоля и Оксфорда. Изучал историю стран Ближнего Востока и арабский язык. В конце 2-ой мировой войны, в течение двух лет, служил в Арабском легионе в Иордании. Легион этот слыл отменно подготовленным воинским подразделением иорданского короля, состоявшим из 4500 человек, под командованием Глэбба-паши (так арабы называли командира легиона, английского генерала Глэбба). Побывал с британской армией в Палестине. Видел, как в 1948 г. еврейские нерегулярные военизированные формирования, используя оружие, ввезенное в Палестину контрабандным путем, выдавливали палестинцев из их домов в Хайфе. Ни британская армия, ни Арабский легион никак тому не препятствовали, и на защиту палестинцев, бежавших в Иорданию, не встали, ибо имели приказ в происходившее не вмешиваться. Именно британское правительство, как считал Эдвард Хендерсон, организовало захват арабских земель евреями.

Демобилизовавшись в 1948 г. из армии, поступил на службу в Иракскую нефтяную компанию. Получил назначение на работу в штаб-квартире этой компании на Бахрейне (тогда она располагала концессиями по всему побережью Аравийского полуострова от Катара до Омана). Со временем сделался представителем компании в Дубае. Главная задача его состояла в том, чтобы установить с шейхами Договорного побережья (нынешних ОАЭ) и *сеййидом* Са'идом ибн Таймуром, тогдашним султаном Маската и Омана, доверительные отношения, и склонить их к заключению соглашений о предоставлении Иракской нефтяной компании прав на поиск и добычу нефти в их землях.

В 1959 г. Эдвард Хендерсон был назначен на пост британского политического агента в Абу-Даби, а в 1960-м – переведен на службу в Иерусалим, консулом, где и встретил мисс Джозелин, на которой вскоре и женился. В 1970 г. Эдвард Хендерсон стал первым британским послом в независимом Катаре.

После ухода на пенсию, в 1974 г., его пригласил в Абу-Даби шейх Заид ибн Султан Аль Нахайан (1918–2004) – для организации Национального исторического архива, бессменным руководителем которого он являлся до конца своей жизни.

В течение года (1980–1981) Эдвард Хендерсон возглавлял Совет по развитию британо-арабских отношений со штаб-квартирой в Лондоне. Затем отправился в Вашингтон для

⁶⁸ Там же. С. 119.

создания там аналога британского совета и чтения лекций об арабах Аравии в американских институтах.

По завершении этой работы возвратился в Абу-Даби, где и умер, в 1995 г., в возрасте 78 лет.

Супружеская пара Хендерсон (автору этой книги довелось знать их лично во время работы в российском посольстве в ОАЭ) искренне любила Абу-Даби. И местные арабы отвечали им тем же. Неслучайно, думается, с 1975 г., со времени прибытия в Абу-Даби по приглашению шейха Заида, супруги Хендерсон проживали там в качестве почетных гостей правящего семейства Аль Нахайан, людей гостеприимных и щедрых, высоко ценящих в иностранцах открытость, честность и желание понять арабов Аравии, познать их язык, обычаи, традиции и нравы.

Делясь с журналистами воспоминаниями об Абу-Даби 1970-х – 1980-х годов, Джозелин Хендерсон рассказывала, что в то время в нынешней красавице-столице ОАЭ, имелся единственный магазин, торговавший кое-какими импортными товарами из Европы. Но обожаемые ими «пахучие сыры из Англии» они с мужем получали с дипломатической почтой, вместе с документами и газетами. Зато морепродуктов было много, и стоили они очень дешево. Цена за один килограмм отборных свежих креветок, к примеру, не превышала трех *дирхамов*, что составляло около 50 центов.

Свободное время женщины английской колонии в Абу-Даби проводили в основном на территории британского посольства, где дипломаты разбили небольшой парк и обустроили теннисный корт. Англичанок нарасхват приглашали в гости местные знатные дамы, желавшие услышать что-нибудь интересное как о самой Англии, так и о принадлежавших ей колониях. Впоследствии, когда аравитянки свободно уже путешествовали по всему белу свету, говорила миссис Джозелин Хендерсон (сами англичане, к слову, величали ее Дамой Абу-Даби), прежде него интереса к британкам, их единственному некогда источнику новостей о «мире женщин в чужих землях», они уже не проявляли.

Что касается самого Эдварда Хендерсона, то во время его служебных командировок в Оман он встречался с шейхами многих племен, в том числе с племенем *бану дуру*, и от имени Иракской нефтяной компании вел с ними переговоры о получении согласия на поиск нефти в их землях. Участвовал даже в совместной оманско-британской операции по освобождению оазиса Эль-Бурайми от саудовцев в 1952 г.

Побывав в Эль-Батине, а также в горах и долинах Внутреннего Омана, и познакомившись с этими землями Южной Аравии, пишет Эдвард Хендерсон, он очень заинтересовался ими. О горах-оманцах Хендерсон отзывается, как о людях гостеприимных и смысленых. Рассказывает, что большинство из них никогда в жизни не видело ни машин, ни радиоприемников, и не имело ни малейшего представления о том, что такое современная медицина или даже консервированные продукты. Их не интересовало ничто, что было «вне круга их жизни». Богатством, доставшимся им от предков, которым они, действительно, дорожили, являлись их обычаи и традиции, возделываемые ими земли и источники пресной воды⁶⁹. Образ жизни жители гор вели патриархальный. Довольствовались самым малым. Пищи, как говорили, то есть лепешек, мяса и молока, фиников, меда и кофе, им хватало. Да и все остальное их устраивало. Всем они были довольны. И ничего больше им не требовалось. Хотели только одного, – чтобы не мешали им жить спокойно.

Жителей Омана Эдвард Хендерсон называет людьми толерантными. Даже в Ибри, замечает он, в месте по отношению к чужеземцам-иноверцам неприветливом, и там их команду

⁶⁹ Там же. С. 115.

геологов принимали тепло. Разместили на ночлег в одном из помещений мечети, несмотря на то, что были они христианами⁷⁰.

По землям обитания племени *дуру*, вспоминал Эдвард Хендерсон, геологи передвигались на автомобилях. Появление чужестранцев, да еще на «железных и плюющихся дымом чудищах», как арабы тамошние называли впервые увиденные ими автомобили, они посчитали вторжением в удел племени с целью его захвата. И, ничтоже сумняшеся, стали готовиться к схлестке с незваными пришельцами. Свернули становища, и начали созывать родоплеменные кланы под знамя войны. Урегулировать ситуацию удалось благодаря имевшемуся на руках у англичан рекомендательному письму султана Маската и Омана, адресованному вождю племени⁷¹.

Заметную лепту в информирование европейцев о землях Омана 1960-х годов, абсолютно отрезанных тогда от внешнего мира и именуемых журналистами «аравийским Тибетом», внес английский офицер Дэвид Гвинн-Джеймс (род. 1937).

С 1957 по 1970 гг. он служил в британской армии. В составе ее подразделений находился в Кении, а затем в Радфане, что на границе тогдашнего британского Адена и Йемена. В 1963 г. со специальным заданием прибыл в Оман. О повседневной жизни оманцев тех лет, об их обычаях и нравах оставил увлекательные заметки.

Оман, повествует он, – это край приморских портовых городов, парусных судов, оазисов, финиковых рощ и, конечно же, гор и множества племен. Оман – это земля и люди, живущие жизнью, давно ушедшей в прошлое в Европе, жизнью, столетиями отстоящей от времени нынешнего, жизнью Средневековья. Взять, к примеру, Ибри, древний мегаполис с его домами и фортами, с водоводами (*афладжами*) и пыльной немощеной дорогой, ведущей к рыночной площади, уставленной верблюдами и ослиами, все теми же и единственными у оманцев, как и у их далеких предков, «средствами» передвижения и перевозки грузов.

В городе женщины лица свои не скрывают. Паранджу надевают только тогда, когда выходят за стены города. Занимаются сбором хвороста, доставкой питьевой воды в дом, приготовлением еды и воспитанием детей. Женские встречи-посиделки в своих жилищах проводят отдельно от мужчин, в специальных женских комнатах. Там же, раздельно с мужчинами, принимают и пищу. Влияние на мужчин, вместе с тем, судя по всему, имеют большое⁷².

Поделился Гвинн-Джеймс в своих заметках и впечатлениями от посещений жилищ оманцев в губернских городах. Попотчевать гостя по-омански, пишет он, значит усадить его на разостланный на полу ковер у огромного медного подноса с рисом и мясом, вареными яйцами и даже с целыми овечьими головами. Едят исключительно руками, и только правой. Левая рука считается у них «нечистой». Ею они пользуются в отхожих местах и при совершении омовений интимных мест перед молитвами. Кусок мяса, который хозяин жилища положит на тарелку гостя, не только попробовать, но съесть надлежит непременно, будь то мозги барана или его глаза, считающиеся у арабов Аравии деликатесом. Мух, летающих на запах пищи, отгоняет опахалом стоящий сзади гостя слуга.

По окончании трапезы слуга подносит гостю кувшин с водой и ставит перед ним таз, дабы сполоснул он руки перед приемом кофе. Угощение кофе – это венец гостеприимства по-аравийски. Церемониал кофепитий настолько почитаем в Аравии, что нарушение его считается не просто признаком дурного тона, а оскорблением памяти предков. При разносе кофе покидать встречу ни в коем случае нельзя, так же, как и отказываться от него. Пьют кофе в Омани с финиками, халвой и медом. Подают кофе в маленьких чашечках, и наполняют их обычно по три раза. Покачивание чашечки из стороны в сторону означает, что напитком этим гость

⁷⁰ Там же. С. 185, 186.

⁷¹ Там же. С. 154, 155.

⁷² Gwynne-James, David, Letters from Oman: A Snapshot of Feudal Times as Oil Signals Change, UK, 2001, p. 63, 80.

насладился⁷³. По завершении трапезы гостя окуривают благовониями и, проводив до дверей, обрызгивают при расставании духами.

Время в Омане, отмечает Гвинн-Джеймс, местные арабы не ставят ни в грош. Дни там – длинные и жаркие, жизнь – простая и размеренная. «Бог дал, Бог взял, – говорят они. – Спешу, не спеши, но что предначертано судьбой, то и сбудется!». Пунктуальности, как таковой, нет среди них и в помине. Пунктуальны они, пожалуй, только в одном – в точном соблюдении времени, установленного для молитв.

О чем бы оманцы не говорили, замечает Гвинн-Джеймс, во всем у них наблюдалась «полярность мышления», «срединных понятий» не существовало. Все они окрашивали в черный или белый цвет. Поступки соплеменников, к примеру, в их понимании, были либо благородными, либо низкими, и никакими другими. Поведение – либо честным, либо подлым, а жизнь – достойной, либо марающей честь человека, его семьи, рода и племени.

С самого детства, рассказывает Гвинн-Джеймс, полагаться оманцев учат не на удачу, а на трезвый расчет и жизненный опыт; поучают тому, чтобы «копилку знаний жизни» они пополняли непременно и постоянно. Давая такой совет, старейшины семейно-родовых кланов, часто ссылаются на популярную среди жителей Омана присказку предков, гласящую: «Имей достаточно воды и еды на все время пути, до того места, куда отправляешься».

Яркий портрет Омана времен сеййида Са'ида ибн Таймура оставил в своих заметках об этой стране Ян Скитт. Также, как и Уилкинсон, он сказывал о том, что *сеййид* Са'ид ибн Таймур не просто отрезал страну от внешнего мира, а наглуго запечатал ее, и притом надолго – на целых 36 лет⁷⁴. Самого этого правителя Ян Скитт называл властелином жестким и прямолинейным, упорным в достижении поставленной перед собой цели и абсолютно уверенным в том, что только он, и никто другой, точно знал, что и когда надлежало делать в интересах его народа. На подданных своих, сообщает Ян Скитт, *сеййид* Са'ид Таймур взирал как на детей, обязанных повиноваться ему во всем и всегда⁷⁵.

О наличии начального школьного образование в Омане, даже в конце 1960-х годов, свидетельствует Ян Скитт, можно было говорить с большой натяжкой. В стране насчитывалось только три школы. Лучшая из них, «Са'идийя», построенная еще в 1940 г., представляла собой в 1968 г. жалкое зрелище – невзрачное здание с покосившимися оконными рамами, разбитыми стеклами и слоем песка на полу. Начальное образование во всех этих школах за годы их существования получили только 640 учеников. Дело в том, объясняет Ян Скитт, что *сеййид* Са'ид ибн Таймур опасался, как черт ладана, того, что с привнесением образования в массы могут последовать «непоправимые», по его выражению, трудности. Ведь единственными учителями в то время в Аравии, за неимением местных, как он пояснял, были египтяне и палестинцы, которых *сеййид* Са'ид называл «бешеной стаей революционеров-националистов».

Однажды, пишет Ян Скитт, советник султана, полковник Хью Бустед, попытался, было, убедить *сеййида* Са'ида ибн Таймура открыть начальные школы во всех провинциях Омана, дабы позволить получить образование сыновьям шейхов племен и губернаторов провинций, которые со временем могли бы принять деятельное участие в управлении делами на местах. На что султан заметил: «Вы, англичане, потеряли Индию именно потому, что дали образование людям»⁷⁶.

⁷³ Там же. С. 77, 78.

⁷⁴ *Ian Skeet*, Muscat and Oman: The End of an era, Bulletin of the School of Oriental and African Studies, 38, 1 (1975), p. 156.

⁷⁵ Там же. С. 168.

⁷⁶ *Hough Bousted*. The Wind of Morning, California, 2002, p. 223.

Рассказывают, что в 1970 г., накануне дворцового переворота, *сеййид* Са'ид ибн Таймур решил закрыть в Омане и те три начальных школы, что там имелись, ибо они, по его мнению, превратились в ничто иное, как в «центры-рассады коммунизма»⁷⁷.

Единственным медицинским учреждением в землях Омана в конце 1960-х годов был, по воспоминаниям работавших там англичан, небольшой госпиталь Аравийской миссии Датской реформаторской церкви Америки, располагавшийся в Матрахе. Оманцы называли его Домом милосердия. Население Омана повсеместно болело трахомой, а в стране, как информировала своих читателей газета «Таймс», имелся тогда лишь один доктор. Об отсутствии элементарного медицинского обеспечения в Омане упоминал, к слову, и Дэвид Холден, который посетил Оман десятью годами ранее Яна Скитта, то есть в конце 1950-х годов. Кроме повсеместной среди населения Омана трахомы, отмечал он, широкое распространение там имели также малярия, туберкулез, ревматизм и гниение зубов⁷⁸.

Подход *сеййида* Са'ида ибн Таймура к здравоохранению англичане деликатно называли странным. По словам полковника Дэвида Смайли (1916–2009), британского спецназовца и офицера разведки, командовавшего с 1958 по 1961 гг. армией султана, во время одной из их встреч, тот высказывался на эту тему так. Госпитали нам ни к чему. Мы – страна бедная, и ресурсы наши в состоянии поддержать только немногочисленное население. Сейчас, говорил он, много детишек умирает еще в младенчестве, и численность населения не увеличивается. Если же мы построим клиники, то ситуация изменится, и многие из них выживут. Но, спрашивается, зачем? Чтобы умереть с голода?⁷⁹

Карательная система в Омане во времена *сеййида* Са'ида ибн Таймура была, по мнению тех же англичан, одной из самых жестких в Аравии. Заключение в тюрьмах содержали в нечеловеческих условиях, тяжелых даже для зверей, практически без воды и пищи. Тех, к примеру, кто попадал в темницы крепости Джалали, приковывали цепями к стенам. Спали они на голых камнях. И, как правило, там и заканчивали свой жизненный путь. Умирали от обезвоживания, истощения и болезней⁸⁰.

Жители Омана времен *сеййида* Са'ида ибн Таймура, рассказывает Ян Скитт, страдали от множества введенных им ограничений. Без разрешения султана никто из оманцев не мог выехать за границу. Режим выдачи въездных и выездных виз находился под его личным контролем. Действовали жесткие правила на ввоз в страну не только автомобилей, но даже мотоциклов и велосипедов, и радиоприемников. Тех, у кого в конце 1960-х годов имелись в Маскате мотоциклы, можно было пересчитать на пальцах одной руки. Обладателями их становились только с личного разрешения султана⁸¹. У водителей грузовиков английской компании, занимавшихся доставкой грузов, притом только из Матраха в Маскат, имелись специальные на то разрешения, опять-таки лично утвержденные султаном.

Маскат второй половины 1960-х годов, сообщает Ян Скитт, окружала мощная оборонительная стена с тремя въездными воротами, отворявшимися по утрам и закрывавшимися через три часа после захода солнца. Малые ворота предназначались для прохода в город пешеходов и осликов; Большие ворота (главные) – для торговых караванов и торжественных въездов в Маскат султана; и третьи, Баб Масаиб, – для проезда автомобилей с грузами (работали они, повторимся, только на линии Матрах – Маскат).

⁷⁷ Fred Halliday, *Arabia Without Sultans*, Manchester, 1974, p. 276.

⁷⁸ David Holden, *Farewell to Arabia*, New York, 1966, p. 236; Jan Morris, *Sultan in Oman*, London, 2000, p. 153.

⁷⁹ David Smiley, *Arabian Assignment*, London, 1975, p. 40, 41.

⁸⁰ Там же. С. 29.

⁸¹ Ian Skeet, *op. cit.*, p. 195, 196.

После того, как въездные ворота затворяли, «любые механические средства передвижения», как говорилось в указе султана, могли попасть в город или выехать из него только с личного разрешения губернатора Маската.

За 20 минут до закрытия въездных ворот раздавался громкий барабанный бой из форта Джалали. Так горожан и гостей Маската оповещали о наступлении времени передвижения по городу только с зажженными лампами и держа их у головы, чтобы лица идущих были хорошо видны гвардейцам султана, дежурившим на улицах Маската. Любому из европейцев выходить из дома в ночное время разрешалось только в сопровождении оманца с фонарем. Встречаясь на улочках со зрителями порядка оманец непременно докладывал им о «цели ночного передвижения по городу чужеземца». Всех тех, кто нарушал установленные правила, арестовывали и сажали в кутузки. Во избежание каких-либо недоразумений жилища свои в это время суток оманцы без надобности старались не покидать⁸².

Курение на главных улицах города, равно как и игра на музыкальных инструментах, и прослушивание радиопередач в общественных местах, на тех же рынках, скажем, или в кофейнях, запрещалось категорически. Многие оманцы, свидетельствует Ян Скитт, тайно бежали тогда в Дубай, на Бахрейн и в Кувейт.

Единственными иностранцами, более-менее свободно передвигавшимися по землям Омана во времена правления *сеййида* Са'да ибн Таймура, отмечает Ян Скитт, можно, пожалуй, назвать только геологов-нефтяников, да состоявших на службе у султана англичан. Журналисты вообще были преданы «анафеме».

Образ жизни, судя по воспоминаниям работавших в Омани британцев, *сеййид* Са'ид ибн Таймур вел замкнутый. Жил в своем виртуальном мире. В Маскат наведывался редко. Предпочтение отдавал Салале, городку в Дофаре, где и проводил большую часть времени. Там, «повернувшись спиной к внешнему миру», он наслаждался всеми доступными ему радостями жизни. Любил наблюдать за волнами Индийского океана⁸³.

Первым из россиян, кто повидал земли Южной Аравии и побывал в Омани, стал знаменитый тверской купец Афанасий Никитин (ум. 1474/1475). Летописи Твери повествуют, что на главной площади города издревле торговали «товаром индийским», перцем и другими специями, а также «ладаном аравийским», «зернами гурмызскими» (жемчугом) и «драгоценными камнями, всякими и дивными», шедшими с караванами торговыми из Персии. Поэтому, когда узнали купцы тверские о том, что Самодержец Российский, царь Иван III, направляет в Ширван (Персия) с посольством Василия Папина, их бывшего земляка, купчину-тверчанина, «с кречетами в подарок для шаха ширванского», то «испросили позволения присоединиться к каравану посла московского». Получив на то «согласие высочайшее», снарядили «две ладьи с товаром русским», в основном с мехами, или «рухлядью мягкой», как тогда говорили. И от имени Великого князя Тверского, Михаила Борисовича, послали товар свой в Ширван в составе каравана Василия Папина. Сопровождать товар доверили Афанасию Никитину «со товарищами».

Весной 1468 г. добрался Афанасий Никитин до Гурмыза, «великого пристанища торгового» (речь идет об Ормузе, легендарном островном королевстве у входа в Персидский залив, одном из крупнейших в прошлом торговых центров Востока). И «узрел на рынках тамошних», по словам его, «много товара, разного и дивного». О самом Ормузе отзывался так: «Со всего света люди в нем бывают и всякий товар в нем есть; что на всем свете родится, то и в Гурмызе есть». Бойко, по выражению тверчанина, торговали там «зернами гурмызскими» (жемчугом) и «лошадьми арабскими», высоко ценившимися, как ему сказывали купцы местные, в Индии.

⁸² Там же. С. 22, 23.

⁸³ *David Holden*, op. cit., p. 219.

Исполняя задание, данное ему Великим князем Тверским, непременно побывать в Индии и присмотреть товары для земли русской, «приобрел он на Гурмызе жеребца арабского и пошел есми за море Индийское», на *tave* (местном парусном судне) с конями⁸⁴.

Переход из «Гурмыза в Мошкат» (с Ормуза в Маскат), рассказывает Афанасий Никитин, с «заходом в Галат» (Калхат), занял 10 дней. Покинув земли оманские и проведя в море еще 4 дня, пристало, наконец, их судно арабское к берегу индийскому, что у города Диу.

На обратном пути Афанасий Никитин еще раз пересек «море Оманово» и побывал (1472) в Мошкате (Маскате), где отпраздновал, как вспоминал потом, «шестую за время его хождения за три моря Пасху». Следуя из Мошката на Гурмыз (из Маската на Ормуз), видел «на море разбойников много», грабивших суда купеческие. К счастью, «участь сея печальная» судно их миновало. Прибыв на Ормуз, где жара стояла страшная, или, как он говорил, «вар был силен настолько и солнце так варно», что могло человека сжечь, запасся там продуктами, и устремился через земли персидские в родные края. Но, будучи уже «на родной стороне», неожиданно скончался.

Повествуя об Афанасии Никитине в «Истории Государства Российского» Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) писал, что и Русь имела «своих Тавернье и Шарденей» (известные европейские торговцы-путешественники); менее, может быть, просвещенных, но таких же смелых и предприимчивых. И что, благодаря им, купцам-русичам, прослышали индусы о Руси (добавим, что и арабы Южной Аравии тоже) «прежде, нежели о Португалии, Голландии и Англии». «В то время как Васко да Гама, – отмечал М. Н. Карамзин, – мыслил только о возможности найти путь от Африки к Индостану, наш тверитянин уже купечествовал на берегу Малабара и беседовал с жителями о догматах их Веры»⁸⁵.

В своем «Хождении за три моря» Афанасий Никитин упомянул, кстати, не только о Гурмызе (Ормузе) и Мошкате (Маскате), но и о Жиде (Джидде) и Кятобаграиме (Бахрейне).

В 1695 г. «хаживал в Индию, к Великому Моголу, через земли персидские, купчина московской гостиной сотни» Семен Мартынов Маленький, со слугой своим, Андреем Семеновым, вместе с несколькими купцами, да с «грамотой царской» и товарами государевыми. Первым, к слову, из русичей, он пожаловал в Индию «с официальной грамотой Государя Российского». Шли они в земли индийские от берегов персидских на двух «наемных судах». Одно из них, как следует из отчета по результатам этой миссии, «отбили *арапы*

⁸⁴ Хождение за три моря Афанасия Никитина (1466–1472). М.-Л., 1948. С. 12.

⁸⁵ Карамзин М. Н. История Государства Российского. Т. VI. Глава VII. С. 441, 442.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.